
RURZAX
Кобрин
КОПАРЬ
6
Клад ночного рынка
18+

RURZAX

Клад ночного рынка

«Автор»
2026

RURZAX

Клад ночного рынка / RURZAX — «Автор», 2026

У ночного рынка Кобрина есть одна особенность: после заката здесь торгуют и те, кто давно умер. Артём Горин заехал продать безобидную табакерку и купить ужин. Вместо этого получил на хранение серебряный футляр — и оказался между вампирами, людьми богатого скупщика Бориса Ланского и прочей нечистью, которая не любит уступать добычу.Футляр становится ключом к четырём кладам, спрятанным среди привычных вещей современного города. Пока Горин ищет тайники, кикимора устраивает переполох в торговом павильоне, домовой Семён наводит собственные порядки, а ведьма Марина не собирается следовать чужим приказам. Ланской же уверен: у любого сокровища и у любого человека есть цена.Но за золотом охотятся те, для кого чужая жизнь дешевле пустой шкатулки. Впереди — драки, погони, опасная магия и выбор, который нельзя решить очередной удачной находкой.

© RURZAX, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Торговля после заката 5
Глава 2. Очень плохая покупка 12
Глава 3. Хозяева ночи 19
Глава 4. Ведьма против покупателя 26
Глава 5. Павильон с характером 33
Глава 6. Серебро торговца 40
Глава 7. Деньги любят счёт 47
Глава 8. Неудачный вечер Ланского 54
Конец ознакомительного фрагмента. 60

RURZAX
Клад ночного рынка

Глава 1. Торговля после заката

До ночного рынка я ехал с единственным намерением: продать латунную табакерку, купить ужин и вернуться домой до полуночи. После смены план выглядел вполне разумным. У ворот рынка двое спорили из-за цены старой лампы, третий уже примерялся к чужому кошельку. До ужина я собирался держаться подальше от чужих разборок.

С прогулки с Мариной прошло несколько спокойных дней. В боковом кармане лежала латунная табакерка: потёртая крышка, две птицы с недовольными клювами. Я нашёл её на участке знакомого и забрал с разрешения хозяина. Никаких шёпотов из металла, долгов перед покойниками и других причин для драки. Торговать такой вещицей было даже приятно.

Из мастерской выпустили на полчаса позже: хозяин седана требовал послушать двигатель при трёх разных оборотах, а его жена — наконец заглушить. Я предложил компромисс: машина остаётся в боксе, семейный спор они продолжают на улице. Снял рабочую куртку, вымыл руки и выехал под уже зажжённые фонари.

Поздняя осень успела обобрать кобринские деревья почти догола. Ветер гнал по мокрому асфальту рыжие листья. На остановках ёжились люди, возле пекарни стояла очередь за горячим хлебом. Я миновал привычный поворот к дому и выбрал дорогу в торговый район.

Ночной рынок занимал стеклянный торговый комплекс с широкими проходами и открытыми павильонами. Через дорогу сияла «Галерея», другой ТРЦ со своей парковкой. Между ними тянулась обычная вечерняя суета: реклама, такси, покупатели с пакетами. Только часть покупателей умела пережить собственную смерть и продолжала торговаться.

Я поставил машину на разрешённой стоянке рынка и проверил телефон. От Марины пришло сообщение: «Ты завтра вечером свободен?» Я ответил: «Пока да. Даже поужинать могу, если не выгонят из приличных заведений». Три точки замигали почти сразу. Потом появилось короткое: «Вот и проверим».

Я спрятал телефон. Мысль о завтрашнем ужине заметно подняла настроение.

У входа пахло кофе, жареными каштанами и мокрыми куртками. Продавец игрушек прицепил к игрушечному дракону картонную табличку «ПОЧТИ НАСТОЯЩИЙ». Дракон оказался тряпичным, зато покупатель выглядел так, будто способен поджечь прилавок от недовольства. За спиной продавца ходил сухощавый мужчина, в отражении витрины на секунду показавшийся мне мертвенно-серым. Обычные люди не замечали ни его цвета лица, ни того, что он тщательно обходил освещённые участки дорожки.

Мальчик в зелёной шапке ткнул пальцем в проходившего мимо мертвеца и спросил отца, отчего этот дядя такой бледный. Отец посмотрел на ценник дракона и ответил: «Наверное, тоже увидел, сколько стоит игрушка». Мертвец остановился. Я приготовился к неприятностям, но тот только хмыкнул и купил на соседнем прилавке чёрную шапку. Торговка немедленно предложила ему скидочную карту. Ночному рынку было глубоко безразлично, есть у клиента пульс или нет, пока он умеет прикладывать телефон к терминалу.

Я улыбнулся. Знакомство с местной торговлей обещало быть поучительным.

— Горин! Ты опять голодным ходишь?

Николай Громов ждал возле «Корицы» с двумя стаканами кофе. Мы познакомились летом: он нашёл мне продавца инструмента, я помог разобраться с его машиной. На рынке Николай торговал дешёвыми украшениями, чехлами и мелочью, а при необходимости выручал соседей. Он знал здесь каждого и на всех находил время.

— Я работал, — ответил я. — Тебе слово знакомо?

— Конечно. От него меня регулярно спасает кофе.

Он протянул один стакан, затем заметил мой взгляд и качнул головой к кафе.

— Это для Лиды с цветочного. Тебе куплю нормальную еду. У них сегодня горячие пирожки с мясом. Свежие, я видел.

— Ты видел, как их готовили?

— Видел, как из кухни вышел повар и сам съел два. Лучшая рекомендация на рынке.

Николай подвёл меня к стойке, махнул официантке, назвал меня старым знакомым и заказал два пирожка. На мою попытку заплатить отреагировал оскорблённым взглядом.

— Дашь мне когда-нибудь совет, как машину покупать, — сказал он. — Вот и рассчитаемся.

— Я тебе уже советовал. Не покупать машину у человека, который показывает её ночью под фонарём.

— Это был хороший совет. Просто я тебя тогда не послушал.

Мы устроились у стеклянной стены. Отсюда виднелись центральная аллея и антикварный ряд. Люди спешили с пакетами, за соседним столиком спорили о возврате куртки. Пожилой мужчина с клыками покупал плюшевого зайца и старательно прятал улыбку от кассира. Я отвернулся, давая ему заплатить без лишнего внимания.

— Ты его знаешь? — спросил Николай.

— Нет. А что?

— Он каждую пятницу берёт игрушку. Для племянницы, говорит. У него, наверное, этих племянниц целый автобус.

— Может, племянница требовательная.

— А может, мужик просто любит зайцев. Здесь лучше не интересоваться чужими привычками, пока никто не лезет к тебе в кошелёк.

Николай произнёс это без загадочного вида. Он знал, что на рынке встречаются странные покупатели. Насколько странные, я уточнять не стал. Гораздо важнее оказалось другое: официантка по имени Вера принесла нам пирожки и тут же отчитала Николая за забытый зонтик.

— Ты у меня вчера оставил мокрый зонт. Он сушился всю ночь. Забери.

— Видишь, Артём, — со вздохом сказал он, — тут за человеком присматривают. Даже его имущество охраняют лучше, чем он сам.

Я ел и смотрел, как он через стол здоровается сразу с тремя проходящими торговцами. Если бы кто-то задумал закрыть этот рынок, Николай первым узнал бы, сколько людей останется без вечерней привычки покупать лишнее.

— Что продаёшь? — спросил он, заметив мой карман.

Я достал табакерку, развернул платок. Николай покрутил её в пальцах, понюхал крышку и уважительно присвистнул.

— Курили из неё?

— Хранили табак. Это всё, что я могу сказать без выдумок.

— Молодец. На соседнем ряду тебе за пять минут объяснят, что из неё пил сам император. И у императора был точно такой же нос, как у орла на крышке.

Мы посмеялись. Потом Николай вернул находку и серьёзно добавил:

— Зайди к Ершову. Он сегодня здесь. Спорит с одним покупателем уже минут двадцать. По-моему, получает удовольствие.

Фёдор Ершов действительно обнаружился у антикварного павильона, не принадлежащего ему. Владелец «Второй полки» стоял перед открытой витриной, держа серебряную ложку двумя пальцами, словно ему предложили попробовать суп из сапога. Напротив краснел покупатель в модном пальто.

— Я предлагаю вам хорошую цену, — повторял покупатель.

— Хорошую для кого? — уточнил Фёдор.

— Для такого старого серебра.

— Вы меня окончательно убедили. Серебро старое, вы молодой. На этом обсуждение можно закончить.

Покупатель заметил меня и возмущённо развёл руками:

— Вы только послушайте! Я вежливо разговариваю!

— Я тоже, — ответил Фёдор. — Пока.

У Ершова было узкое лицо, на котором раздражение выглядело естественным состоянием кожи. Бледность его обычному человеку показалась бы нездоровой. Я давно знал, что здоровье здесь ни при чём. Вурдалак без лишней суеты мог пережить то, после чего большинство знакомых автомехаников предпочло бы завещать мастерскую родственникам. При этом терпеть глупых покупателей он не научился даже за многие годы.

— Артём, — сказал он. — Если пришёл покупать, подожди. Если продавать — покажи.

— Подстаканник из музея не принёс. Только табакерку.

Я протянул вещицу. Фёдор несколько секунд изучал крышку, ногтем тронул потёртость у края, перевернул. Никаких вспышек и разговоров с прошлым: он просто смотрел на металл.

— Обычная работа, — произнёс он. — Недурная. Крышку кто-то подправлял лет сорок назад. Ты где её достал?

— На участке знакомого. Хозяин разрешил забрать.

— Тогда сможешь ответить, если спросят. Оставь до завтра на оценку в лавке.

— А сегодня?

— Сегодня я здесь отдыхаю.

Покупатель с ложкой возмущённо кашлянул.

— Вы называете это отдыхом?

— Вы же называете свою цену хорошей.

Рядом молодая пара выбирала серьги у соседней витрины. Девушка примеряла круглые серебряные подвески, парень просил посмотреть что-нибудь дешевле. За ними высокий человек с неподвижной улыбкой разглядывал детские открытки. Его глаза ловили свет вывески красноватым отблеском, и продавщица всё равно вежливо рассказывала о скидке за три штуки. Здесь умели обслуживать клиентов, даже если у клиента давно закончилась жизнь.

Я убрал табакерку, отказался от предложенной Ершовым сигареты и уже собирался возвращаться к Николаю, когда услышал резкий женский голос:

— Я сказала: сегодня коробку не отдам!

Говорили у павильона через проход. Перед ним стояла невысокая женщина в светлой куртке, прижав пакет к груди. Рядом — пожилой торговец с седой щетиной, в тёмном рабочем фартуке. У его прилавка теснились двое широкоплечих мужчин. Один держал ладонь на плоской чёрной коробке, лежавшей поверх остальных вещей.

— Сделка закрыта, — произнёс широкоплечий. — Хозяину хватило времени подумать.

— Покажите того хозяина, — отрезал торговец. — Я вас первый раз вижу.

Второй мужчина сделал шаг за прилавок. Торговец протянул руку, не давая трогать товар.

Покупатели вокруг стали расходиться. Так бывает, когда люди ещё надеются, что чужой скандал завершится без них. Я видел, как женщина со светлой курткой отвела за спину девочку лет восьми; та всё ещё держала в руках сувенирный магнит.

— Идём, — сказал я Фёдору.

— Ты идёшь, — ответил он. — Я смотрю, не растопчут ли мне чужие деньги.

В его голосе не было равнодушия. Он чуть повернулся к проходу и поставил ложку обратно на витрину. Мы оба видели, что до обычного торга дело не дойдёт.

Я подошёл сбоку, оставляя себе свободный проход к кафе.

— Мужики, — сказал я, — у вас тут дети рядом. Разбирайтесь без рук.

Ближайший ко мне посмотрел с таким раздражением, будто ему предложили объяснить бухгалтерию вурдалаку.

— Не вмешивайся.

— Отличная мысль. Начни с неё сам.

Он уже открыл рот, когда в проходе появился третий участник.

Мужчина лет сорока в чёрной куртке двигался быстро, но без той нервной торопливости, с которой бегают обычные покупатели. Коротко подстриженный, широкие плечи, голова чуть набок. Он остановился в двух шагах от коробки и посмотрел на неё так внимательно, что совершенно забыл о людях.

— Роман, — тихо произнёс второй широкоплечий. — Не сюда.

Тот не ответил. Только снял перчатку и положил ладонь на коробку поверх чужой руки.

— Отпусти, — сказал он.

— Ты ещё кто?

— Тот, кому она нужна.

Торговец попытался выдернуть коробку, но Роман держал её крепче. Широкоплечий толкнул его плечом. Роман качнулся на полшага, и я увидел странное выражение его лица: недоумение человека, которого ударила вещь, не имевшая на это права.

— Круглов! — рявкнул первый. — Тебя сюда не звали!

В следующую секунду тот ударил Романа в челюсть. Хрустнуло неприятно громко. Роман повернул голову обратно, словно проверял, хорошо ли расслышал вопрос, и ответил.

Удар пришёлся в грудь широкоплечему. Мужчина отлетел на край соседнего стола, смахнул оттуда стеклянные фигурки и упал вместе с подставкой. Женщина вскрикнула. Кто-то бросился к выходу, а кто-то принялся снимать и едва не получил осколком по лицу.

— Назад! — крикнул я.

Фёдор сдвинулся от витрины. Роман стоял над коробкой, а второй громила пытался достать из куртки что-то тяжёлое. Пожилой продавец попятился к внутренней двери павильона, зацепился пяткой за коробку под ногами.

Роман бросил взгляд вправо, туда, где тень от широкой рекламной панели накрывала мокрую плитку. Через несколько метров под соседним навесом темнел второй узкий участок. Я видел оба. Между ними висел свет от вывески, но до земли его не хватало.

Вурдалак шагнул в первую тень и вынырнул из второй. В один короткий рывок он оказался у другого бока прилавка. Я успел заметить смазанное движение, остальные, должно быть, решили, что он просто очень быстр. В ярко освещённый проход Роман выходить не спешил.

Теперь сомнений не оставалось: перед нами был телесный мертвец. И намерения у него были сугубо земные.

— Руки убрал! — заорал второй мужчина и замахнулся металлическим фонарём.

Фонарём он промахнулся, зато разбил лампу над прилавком. Одна половина прохода потемнела. Торговец дёрнулся закрыть коробку, Роман ударил его предплечьем. Старик налетел виском на ребро стойки, из-под волос сразу потекла кровь.

— Твою мать, — выдохнул я.

У самой кромки прохода стоял парень с пакетом подарков. Он не бежал: смотрел на разбитую лампу и на руку Романа, которая всё ещё держала коробку. Над ними шаталась узкая металлическая рама с рекламными подвесками. Один из громил, поднимаясь со стола, схватился за раму, и та пошла вниз.

Я успел дёрнуть парня за ворот куртки. Мы оба рухнули на плитку возле кафе. Рама ударила туда, где он только что стоял. Пакет лопнул, по полу покатились разноцветные кружки и стеклянная чашка.

Парень схватился за мою руку, пытаясь подняться. Я отбросил его ладонь и сам вскочил на колено.

— К кафе! Живо!

Он пополз, наконец вспомнил, что умеет вставать, и убежал. Моя правая кисть неприятно отозвалась на рывок, но пальцы слушались. После истории с Китоврасом я ещё не забыл, насколько дорого обходится привычка хватать всё подряд.

Роман уже тащил коробку к проходу за павильонами. Широкоплечий с фонарём бросился следом, размахивая обломком, и получил от вурдалака такой удар локтем, что врезался спиной в декоративную колонну. Пожилой торговец попытался подняться, поскользнулся на собственных каплях крови и тяжело сел на пол.

Я присел рядом с ним. За моей спиной Фёдор негромко, очень отчётливо объяснил кому-то, что следующий удар по человеку закончится плохо. Возникла короткая пауза. Я не стал оборачиваться: торговец прижимал ладонь к виску, а второй рукой судорожно шарил по карману фартука.

— Скорая нужна? — спросил я.

— Сначала… — Он поморщился, когда я поддержал его за плечо. — Сначала уберите их от моего товара.

— Коробку уже уносят. Голова у вас одна, давайте её сохраним.

— Они не понимают… не знают, что внутри.

Кровь стекала по его щеке. Глаза оставались ясными, хотя лицо быстро серело. Женщина из соседнего павильона подала чистую салфетку, я прижал её к ране рукой торговца и попросил не отпускать. За кафе уже звонили за медицинской помощью; кто-то из персонала расчистил проход.

— Послушай, — сказал торговец, схватив меня за рукав. — Ты с Ершовым знаком?

— Да.

— Тогда не отдашь первому встречному. Подержи у себя до разговора.

Из внутреннего кармана фартука он извлёк узкий серебряный футляр. Вещь была размером с мою ладонь, тяжёлая, гладкая по бокам, с вмятиной у одного края. Ни узоров, ни драгоценных камней. Замочек на торце был заперт. Торговец протянул мне футляр, с трудом разжимая пальцы.

— Чьё это? — спросил я.

— Скажу. Только дай отсюда выбраться. И не открывай на рынке.

— Никуда не понесу, пока не пойму, кому возвращать.

Он кивнул. Получился неровный, но осознанный кивок. Я завернул футляр в свой платок, в котором прежде лежала табакерка. Табакерку сунул обратно в карман. Серебро оказалось неожиданно холодным на ощупь, хотя торговец держал его под одеждой. Я не стал делать из этого выводов: осенняя сырость и обычный металл иногда ведут себя убедительнее любого колдовства.

— Как вас зовут? — спросил я.

Торговец открыл рот, но ответить не успел. Из прохода донёсся треск раздавленного пластика, кто-то закричал, и нас накрыла новая волна бегущих людей. Мне пришлось подняться, заслоняя старика от толпы. Женщина в светлой куртке уже увела девочку к кафе. Парень, которого я оттащил, стоял у стены и дрожал, не выпуская из рук уцелевшую ручку пакета.

Роман выбежал в открытую аллею с чёрной коробкой под мышкой. Там было светлее, и двигался он теперь обычным быстрым шагом, слегка припадая на левую ногу после столкновения со столом. Два широкоплечих преследовали его до перекрёстка павильонов, но дальше побежали в другую сторону. Один говорил в телефон, второй поддерживал ушибленный бок. Никакой общей команды они не изображали.

— Горин, стой здесь, — сказал Фёдор, появившись рядом. — Я узнаю, что этот болван стащил.

— За ним пойдёшь?

— Пойду за своими вопросами. Это разные вещи.

Он посмотрел на продавца, затем на мою ладонь. Прищурился. Я не показывал футляр, но от Ершова трудно было спрятать даже плохое настроение.

— Что у тебя?

— Чужая вещь на время. Старик попросил подержать.

— Тогда держи крепче. И не считай, что раз попросил, уже подарил.

— Спасибо. Ещё скажи, что через кассу надо платить.

— Тебе полезно иногда услышать очевидное.

Фёдор ушёл вслед за Романом, не переходя на бег. Его узкая спина растворилась среди людей, которые быстро возвращались к собственным покупкам. Торговцы поднимали опрокинутые стойки, официантка собирала с плитки уцелевшие чашки. Жизнь рынка оказалась удивительно крепкой: стоило опасности отступить на несколько десятков шагов, как кто-то уже спросил, распространяется ли скидка на разбитый сувенир.

Николай появился с бутылкой воды и толстым рулоном бумажных полотенец.

— Я видел, куда ты полез, — сказал он. — Ты когда-нибудь проходишь мимо чужой драки?

— Сегодня попробовал. Она сама догнала.

— Это ты себе в оправдание придумал.

Он дал воды пострадавшему продавцу, помог женщине из соседнего павильона усадить того на стул. Мужчина говорил с ними, отвечал связно, хотя на правом виске расплывалась тёмная повязка из салфеток. Я убедился, что его не оставят одного, и отступил к стене кафе.

— Я его знаю, — сказал Николай тише. — Вчера он ещё смеялся, что у него антиквариат покупают люди, которым за жизнь таких денег не заработать. Завтра пусть попробует снова пошутить.

— Было бы хорошо.

Николай посмотрел на мою куртку. В кармане выпирал край платка.

— Он тебе что-то дал?

— Попросил сохранить. Верну, когда сможем спокойно поговорить.

— Здесь с чужими вещами быстро становятся очень популярными. Даже если сами вещи никому не нужны.

— Ты сейчас меня подбадриваешь?

— Предупреждаю. Подбадривать буду, когда ты доешь второй пирожок. Он у меня за стойкой лежит.

Я хотел отказаться, но желудок напомнил, что один пирожок не заслуживает звания ужина. Мы вернулись на шаг к кафе. Николай забрал из бумажного пакета свёрток и сунул мне в руку. Потом прислонился плечом к стеклу, наблюдая за возвращающимися посетителями.

— Роман этот раньше здесь появлялся? — спросил я.

— Видел пару раз. Брал кофе без сахара, спорил с продавцом часов. Говорил мало. С теми двумя, которые его били, вместе не приходил.

— Они кого-нибудь представляли?

— Не знаю. Слушай, Артём, я торгую чехлами, а не чужими секретами. На моих глазах трое взрослых мужиков разнесли витрину. Мне этого достаточно.

Он был прав. И мне пока хватало увиденного: один раненый человек, украденная коробка, серебряный футляр без ясного владельца и два лагеря, которые предпочли уйти разными выходами.

Мы простились. Николай вернулся помогать соседям, а я наконец пошёл к парковке. Табакерка оставалась при мне. Продать её не удалось; даже показать цену толком никто не успел. Зато чужая вещь уже лежала в куртке рядом с ключами от машины.

Перед стеклянными дверями я остановился поправить платок. Серебряный футляр давил в ладонь тяжестью обыкновенного металла. Замочек не шевелился. Перстень «Чёрный отклик» молчал, и я был рад. После последних приключений тишина перстня стала для меня почти хорошим тоном.

У стойки с городскими открытками стояла женщина в сером пальто. Она следила за мной отражением в стекле, не делая вид, будто разглядывает витрину. Чуть дальше молодой человек с кожаной сумкой держал телефон у уха, но губы его не двигались. Когда я переложил футляр в другой карман, он опустил глаза вслед за моей рукой.

Двое. Незнакомые друг с другом на вид. Оба следили за карманом, куда я убрал серебро. Видели передачу? Кто-то успел рассказать? Проверять догадки в одиночку я не собирался.

Я прошёл к двери и увидел впереди ещё одного мужчину. Крепкий, коротко остриженный, в тёмном пальто. Он стоял у выхода к парковке и смотрел прямо на меня, спокойно, без спешки, будто пришёл ровно к назначенному времени.

«Завтра вечером свободен?» — вспомнил я сообщение Марины.

— Было бы неплохо, — сказал я себе под нос.

Мужчина отступил, пропуская меня к дверям, и окликнул уже у самого порога:

— Артём Горин? Разрешите на минуту.

Глава 2. Очень плохая покупка

— Разрешите на минуту, — сказал человек посреди выхода с рынка.

За его спиной блестела мокрая стоянка. Ладони он держал на виду; двое сообщников будто бы изучали соседний автомобиль, но смотрели на мои карманы. Торговец у выхода захлопнул кассу и отступил под свет вывески. Я сделал то же самое, оставив мужчине выбор: разговаривать при свидетелях либо первым показать, зачем он привёл приятелей.

— Говорите, — сказал я, отступая к освещённой витрине. — Здесь, при людях.

Он сдержанно улыбнулся. Позади него один из помощников уже двигался в мою сторону. Отказ оказался полезнее любого остроумия: у меня появилось время выбрать, в какую сторону бить, когда они перестанут изображать покупателей.

— Егор Бурцев. Я представляю Бориса Ланского.

Бурцев выдержал паузу, позволяя мне испугаться. Я не воспользовался любезностью. Я ничего не почувствовал, кроме холода от стеклянной двери: её то и дело открывали покупатели с пакетами.

— Рад знакомству, Егор. Передайте Борису, что для покупки антиквариата здесь есть продавцы. Они сегодня сильно нервничают, но к утру оклемаются.

— Речь о вещи, которую вам передали у павильона.

Вот теперь я перестал улыбаться. Бурцев заметил перемену и слегка наклонил голову, словно подтвердил нужную ему догадку.

— Вы быстро работаете, — сказал я.

— Я умею задавать правильные вопросы. Предлагаю выйти туда, где потише.

За дверью два автомобиля обменивались резкими сигналами, кто-то катил тележку с коробками, возле дальнего входа курили трое мужчин. Спокойнее там точно не было. А вот свидетелей поменьше.

— Здесь слышно прекрасно.

Бурцев посмотрел в сторону столиков кафе. У стойки женщина расплачивалась за пирожные, за её спиной официант переносил поднос с чашками. Я сделал шаг вбок, чтобы люди могли проходить. Егор повторил движение, не перекрывая мне дорогу окончательно.

— Господин Ланской готов заплатить за серебряный футляр тридцать тысяч рублей. Наличными, сегодня. Вы ничего не теряете.

Я вспомнил седого торговца, кровь у него на виске, салфетки, которые он прижимал к голове. Он сказал «подержи до разговора». Слова были вполне ясные даже в той суматохе.

— Мне футляр не принадлежит.

— Вам его отдали.

— На хранение. Разница понятна?

— Вполне. Но его собственник — Ланской.

— Отлично. Пусть приходит к хозяину павильона и разговаривает. Я слышал, как там сегодня требовали чужую коробку. Без разрешения, с фонарём вместо аргументов.

Лицо Бурцева осталось спокойным. Он говорил ровно, хотя вокруг нас люди заметно замедляли шаг, прислушиваясь к повышенным голосам из торговой аллеи. На витрине отражалась женщина в сером пальто, та самая, которая следила за мной несколькими минутами раньше. Сейчас она выбирала открытку, удерживая её двумя пальцами. Может, действительно выбирала. Может, ждала, куда меня поведут.

— Мои люди не имели отношения к нападению на продавца, — сказал Егор.

— Я о ваших людях ничего не спрашивал.

Он выдержал паузу. Тихую, плотную. Так держат молчание люди, привыкшие решать, когда другим позволено говорить.

— Хорошо. Вы не хотите продавать. Можем оформить возврат через посредника. С меня встреча, с вас предмет.

— С меня согласие человека, который доверил мне вещь. Его пока нет.

— Его состояние вас должно беспокоить меньше вашего собственного.

Вот это уже было похоже на угрозу. Произнесённую без нажима, почти заботливо. Я почувствовал, как сжимаю правую ладонь. После истории с Китоврасом кисть не прощала лишнего геройства. Разжал пальцы. Перстень на них оставался обычным холодным металлом. От кулака он не закроет, от ножа тоже. Проверять не хотелось.

— Мы закончили, — сказал я.

— До завершения разговора предлагаю не уходить.

Егор посмотрел поверх моего плеча. В стекле я увидел движение: мужчина с кожаной сумкой убрал телефон, которым до сих пор притворялся занятым, и направился в соседнюю аллею. Женщина в сером пальто прошла к кассе. Ни один не подошёл к нам. Я не стал приписывать им общую команду, пока они сами её не показали.

— У вас есть две секунды, чтобы объяснить, почему я должен остаться, — сказал я.

— Потому что я говорю вежливо.

— Тогда продолжайте. На расстоянии.

Я пошёл вдоль стеклянной стены к широкому проходу между кафе и магазином аксессуаров. Там было светлее, слышнее и люднее. Бурцев не схватил меня за рукав. Он двинулся рядом с той же спокойной настойчивостью, с какой сопровождают клиента к чужой кассе.

Держать обе вещи в карманах стало неудобно: футляр тяжело упирался в бок, табакерка царапала подкладку с другой стороны. У меня через плечо висела плоская холщовая сумка, которую я взял для вечерней продажи. В начале визита она казалась лишней, а теперь мешала повернуться боком к человеку, который настойчиво интересовался моей одеждой. Я остановился возле освещённого рекламного щита, достал табакерку и убрал в сумку. Молнию закрыл до конца. Ключи, телефон и серебряный футляр оставил в застёгнутом кармане куртки.

Бурцев внимательно смотрел на движение моих рук.

— Очень предусмотрительно, Артём.

— На работе научился. Что плохо лежит, то кто-нибудь обязательно возьмёт.

— Тогда советую беречь то, что вам поручили.

У двух высоких столиков рядом с кофейной стойкой спорили парень и девушка. Он показывал ей экран телефона, она пыталась забрать его за локоть. Продавщица с передвижного лотка раскладывала небольшие пакеты с орехами и сухофруктами. Привычная вечерняя толкотня. Ничего такого, ради чего стоило бы на всякий случай бежать.

Первый удар я почти пропустил.

Из-за рекламного щита шагнул мужчина в синей куртке. Плечо у него оказалось на уровне моего подбородка, а ладонь сразу метнулась к карману с футляром. Я развернулся, прихватил его запястье и толкнул локтем в грудь. Тот врезался в высокий столик. Кофейный стакан подпрыгнул, пролился на пол, парень с телефоном заорал так громко, будто горячий напиток попал ему в ботинки.

— Руки убрал! — сказал я.

— Отдай вещь, — прошипел нападавший.

Второй появился у меня справа. Невысокий, в светлом пуховике, с короткой бородкой. Он шёл быстрее, чем первый, и не пытался тянуться к карманам: ударил сразу, снизу в живот. Воздух на мгновение вышибло. Я согнулся, но успел отступить на полшага и выставить левое плечо. Второй удар пришёлся в куртку, возле рёбер. Хорошо, что там не лежал футляр.

Толпа качнулась от нас в стороны. Кто-то закричал, чтобы не трогали детей. Бурцев остался в трёх шагах, у рекламного щита. Он стоял с тем же лицом, с каким торговался минуту

назад. Коротким жестом остановил мальчишку, который решил перебежать между нами к кафе. За мальчишкой метнулась мать и выдернула его из прохода.

Первый нападавший снова сунул руку мне под куртку. В этот раз я позволил ему приблизиться, перехватил локоть и рванул вниз, одновременно подставив ногу. Мужчина перелетел через край столика. Пластиковая столешница с глухим стуком ударилась о плитку. Его лицо встретилось с металлической ножкой, и он захрипел, хватаясь за нос.

У меня за спиной треснул пакет. Мужчина в пуховике обошёл стол и потянулся ко мне двумя руками. Я оттолкнулся от опрокинутой стойки, сбил его кисть локтем и ударил лбом в переносицу. Зря. В глазах вспыхнуло, а в голове на секунду образовался целый хор ругательств. Зато противник отшатнулся, прикрывая лицо. Следующий удар я нанёс коленом, коротко, без размаха, в бедро. Он осел на одну ногу.

— Здесь люди! — крикнула продавщица орехов.

— Вижу, — выдавил я.

Она сама в этот момент пыталась удержать упавшую стойку. Складная полка с пакетами посыпалась на пол, мелкие орехи застучали по плитке, словно кто-то рассыпал крупную дробь. Рядом пожилая покупательница бросила сумку и присела, собирая то ли свой товар, то ли чужой. Никто не просил её помогать. Просто привычка такая: если что-то рассыпалось, надо поднять.

Нападавший в пуховике увидел, что я отвлёкся. Он выпрямился, вытащил из-под куртки короткий нож и двинулся на меня вдоль узкого прохода между стойками. Острие мелькнуло возле моего локтя. Я отдёрнул руку так резко, что снова заболела кисть. На манжете остался разрез.

Перстень не подал ни тепла, ни толчка. И правильно: обычное лезвие для него ничего не значило.

— Убери нож! — рявкнул Бурцев.

Невысокий остановился на долю секунды. Не от послушания, скорее от неожиданности. Этого хватило. Я схватил со столика пустой металлический поднос, который кто-то бросил, когда началась драка, и ударил ребром по запястью с ножом. Лезвие звякнуло об плитку. Ещё один удар подносом по плечу заставил его пятиться. Я не стал добивать: между нами уже протискивался испуганный официант с двумя детьми за спиной.

— К стене, — сказал я ему. — За стойку.

Дети послушались быстрее взрослого. Бурцев поднял ладонь, призывая своих людей остановиться. Они на него смотрели, но на тот момент остановились лишь потому, что первый сидел на полу и пытался понять, сколько у него зубов, а второй искал взглядом упавший нож.

— С вами трудно разговаривать, — сказал Егор.

— Ваши сотрудники слишком близко подходят.

— Это вы сделали сцену на глазах у покупателей.

— У них прекрасное зрение. Пусть пользуются.

Меня трясло от злости и адреналина. Очень хотелось подойти к Бурцеву и закончить спор старым способом, без вежливых предложений. Он стоял неподвижно и смотрел мне в лицо. Несколько человек уже снимали происходящее на телефоны. Под камерой он мог играть роль миротворца хоть до утра.

От другого края аллеи донёсся резкий скрежет. Продавщица орехов потянула за угол стойки, пытаясь поставить её на место, но одна ножка застряла под перевёрнутым столом. Полка накренилась прямо на пожилую женщину, собиравшую рассыпавшиеся пакеты. Та упиралась коленом в плитку и даже не видела, что над ней происходит.

Я мог рвануть за ножом, чтобы его снова не подобрали. Мог добраться до Бурцева, пока оба его бойца были заняты собой. Вместо этого прыгнул к лотку, поймал тяжёлый край полки левым плечом и отвёл в сторону. Металл больно ткнулся в ключицу. Продавщица отпрыгнула,

пожилая женщина подняла голову и ругнулась с такой яростью, что я почти почувствовал себя виноватым в плохой погоде.

— Вставайте! — сказал я. — Всё потом соберёте.

— У меня там кошелёк!

Кошелёк лежал под её собственной сумкой, никуда не убегал. Я подхватил его с плитки, сунул женщине в ладонь и помог подняться. Продавщица оттолкнула стойку к стене. Её пальцы дрожали, но она держала лоток за край и никому не давала приблизиться.

— Пакеты я потом куплю, — сказал я.

— Да мне сейчас до пакетов дела нет, — ответила она. — Ты только отведи их отсюда.

Когда я повернулся, между столиками возникла новая суматоха. Мужчина, которому разбили нос, вставал, держась за своего товарища. Толпа расступалась перед ними; кто-то протискивался к выходу с рынка, кто-то возмущённо требовал вернуть телефон, соскользнувший со столика. Бурцев смотрел на меня с выражением, которого прежде не было. Он увидел, что я сам отказался от удобного удара ради чужой безопасности. Радоваться ему было нечему, но он явно запомнил.

Моя холщовая сумка висела на плече странно легко.

Сначала я подумал, что просто перестал чувствовать её за время драки. Провёл ладонью по ремню. Ремень был на месте, молния приоткрыта, а внутри лежали только сложенный пакет, чек из кафе и пустой футляр для очков. Табакерки не оказалось.

Я осторожно поднял сумку к свету. Внутренний карман вывернули, ткань у молнии растянулась. Тот, кто лез внутрь, работал в тот момент, когда все смотрели на столики и нож. Я сразу вспомнил чужой взгляд из-под телефонной трубки и серое пальто у открыток. Но видел ли я хоть одного из них возле сумки? Нет. Приписывать кражу по цвету одежды было бы удобной глупостью.

— Где моя вещь? — спросил я.

Бурцев чуть склонил голову.

— Вы потеряли футляр?

— Свою табакерку. Старинную. В сумке лежала.

— У вас был очень беспокойный вечер.

— А у вас была компания. Верните.

Он посмотрел на одного бойца, затем на другого. Первый с разбитым носом сердито мотнул головой. Второй спрятал руку с рассечённой кожей в карман. Они могли знать о краже, могли и правда не знать. Я не видел, чтобы кто-то из них касался сумки, пока дрался с ними. Серебро оставалось у меня, пристёгнутое молнией внутреннего кармана. Значит, главную цель они пока не получили.

— Никто из моих людей не обязан следить за вашим товаром, — сказал Бурцев.

— Но люди, которые лезут в чужие карманы, обязаны понимать последствия.

Я двинулся к выходу, где мелькнула светлая спина молодого человека с кожаной сумкой. Он быстро прошёл между витринами. На его плече висел тот же ремень, что я заметил перед разговором. Я мог бы догнать его. Путь до дверей был свободен, метров двадцать. С одной стороны прохода стоял опрокинутый стол, возле которого всё ещё лежал нож. С другой Бурцев со своими людьми, за спиной — испуганная продавщица и женщина, которая с трудом держалась на ногах.

Если я сейчас погонюсь за первым подозрительным прохожим, серебряный футляр может исчезнуть из моего кармана куда надёжнее табакерки. Старик доверил мне вещь именно потому, что считал меня знакомым Ершова. Хорошенькое доверие получится, если я ради собственной наживы уступлю её первому, кто умеет отвлекать внимание.

Я остановился. Молодой человек исчез за стеклянным углом. Издалека донёсся громкий смех компаний возле кофейни — там ещё никто не знал, что в соседней аллее людям били лица.

— Правильный выбор, — сказал Бурцев.

Я обернулся.

— Не делайте вид, будто знаете, что я выбирал.

— Я вижу, что футляр при вас. А свою вещь вы не вернули.

Он произносил слова ровно, почти без интонаций. От этого угрозы звучали ещё грязнее. Мне очень захотелось ударить его в подбородок. Но правая рука дёргалась после схватки, левое плечо ныло, а в кармане лежало доверенное серебро. Драка ради удовольствия могла закончиться тем, что футляр заберут у меня уже на земле.

— Вы могли предложить мне тридцать тысяч, — сказал я. — Вместо этого я получил двоих идиотов с ножом и потерял свою вещь. У вас странное представление о выгодной сделке.

— Мои предложения действуют недолго.

— Тогда радуйтесь, что я не принял первое.

Бурцев убрал руки в карманы пальто. На секунду мне показалось, что сейчас он всё-таки полезет за оружием. Вместо этого он достал телефон, посмотрел на экран и убрал обратно.

— Господин Ланской любит ясность, Артём. Сегодня он покупал футляр. Завтра может решить, что вы мешаете его торговле. Это совсем другая цена.

— Пусть начнёт с разговора с человеком, у которого вещь была до меня.

— Начнёт с того, с кого сочтёт нужным.

Егор сделал знак своим бойцам двигаться к соседней аллее. Один шёл прихрамывая, другой держал под носом бумажную салфетку. Продавщица смотрела им вслед с откровенной ненавистью. Покупатели понемногу возвращались. Уже спорили о том, где должна стоять перевёрнутая стойка и кто теперь возместит разбитые стаканы.

Я отошёл к стеклянной стене, проверил карманы. Телефон, ключи, кошелёк — при мне. Футляр тоже. Он был завёрнут в платок, уголок серебра упирался в кожу. Табакерка исчезла. Её я собирался продавать совершенно спокойно, за обычные деньги, пусть пока и без окончательной оценки. Теперь даже показать Фёдору будет нечего.

— Эй, ты цел? — спросила продавщица орехов.

Я повернулся. Она уже поставила лоток на колёса, а пожилая покупательница, согнувшись, пыталась подобрать последние пакетики.

— Пока да. Вы?

— Жива. Лишнего насобирали. Помоги сложить в коробку — и иди, пока эти опять не пришли.

Я присел, собрал рассыпанные пакеты, сложил в её ящик. Заодно поднял чужой телефон, лежавший под столиком. Владелец, тот самый парень, который ругался с девушкой, протянул руку так быстро, словно боялся, что аппарат успеют продать раньше него.

— Спасибо, — пробормотал он. — Я думал, его раздавили.

— Ему повезло больше, чем столу.

— Ты с ними знаком?

— Теперь познакомились.

Продавщица неожиданно рассмеялась, коротко и нервно. Потом вытерла лицо рукавом и стала раскладывать пакеты по местам. Аллея за её спиной снова обрастала обычными звуками — заказами кофе, писком терминала, недовольством покупателя из-за слишком крепкого чая. Мне почему-то стало легче именно от этого: люди не обязаны разбирать мои приключения до утра.

Я пошёл к выходу, стараясь не торопиться. На пороге остановился и оглянулся. Бурцева и его людей больше не было видно. Серое пальто тоже исчезло. Мужчина с кожаной сумкой

растворился среди покупателей. Я не знал, кто украл табакерку. Зато точно знал, что столкнулся с людьми, готовыми бить за вещь, о которой мне самому пока ничего не рассказали.

Снаружи ветер ударил в лицо мокрым холодом. Машина стояла там же, на разрешённой парковке рынка, под фонарём возле выезда. Я добрался до неё, заблокировал двери и только после этого снял куртку, чтобы осмотреть разрезанную манжету. Кожа под ней была цела. На костяшках левой руки выступила кровь, правое запястье подрагивало, ключица отозвалась, стоило повернуть плечо.

Я посидел молча, прислушиваясь к себе. Двигаться мог. Голова после удара лбом по чужому носу гудела, но двоения перед глазами не было. Гнев потихоньку отступал, оставляя неприятное чувство, будто меня заставили участвовать в чужом представлении и ещё взяли деньги за билет.

Первым я набрал Фёдора. Он ответил после нескольких длинных гудков.

— Горин. Ты ещё на рынке?

— Уже в машине. Тот Роман ушёл с коробкой?

— Ушёл. Я его видел на другой стороне торгового ряда. Догонять не стал. Не хватало мне ещё давить покупателей ради вещи, которую не видел открытой.

— Меня только что пытались купить.

— Ничего себе. За тебя предложили больше, чем за мою ложку?

— За футляр. Тридцать тысяч. Потом решили забрать руками. Табакерку мою кто-то стащил, пока мы дрались.

Фёдор помолчал. Слышно было, как в его лавке звякнуло стекло, затем чей-то голос попросил посмотреть вещь получше.

— У футляра замочек сбоку? — спросил Ершов.

— На торце. Узкий. Серебро потёртое, на краю вмятина.

— Вес ощущается больше, чем у пустого?

— Ощущается. Я его не открывал.

— И правильно. По одному описанию ничего не назову. Но если Ланской шлёт своего Бурцева за такой коробочкой, дело там, скорее всего, не в серебре. Футляры бывают рабочими частями торговых наборов. Без того, к чему они крепились, их цены толком не поймёшь.

— Ты видел похожие?

— Видел разные. Привези завтра. При тебе посмотрю и скажу, на что похоже. И продавца расспроси. Если он доверил, значит, ждёт разговора, а не торгов.

— Собирался.

— Вот и прекрасно. У меня посетитель, который считает позолоту семейным проклятием. Пока.

Звонок оборвался. Я не получил ни имени владельца, ни готовой дороги к кладу. Получил подтверждение, что завтра надо вернуться к живым людям и обычной вещи, которую сегодня пытались купить слишком настойчиво.

На экране телефона мигало сообщение от Марины: «Завтра меня задержат по своим делам. Послезавтра после восьми сможешь?» Я начал отвечать, заметил разбитые костяшки и стёр первую фразу. Написал коротко: «Смогу. Расскажу, если спросишь, почему снова в чужой истории». Она ответила почти сразу: «Спрошу. И предупреждаю: ответ „случайно“ больше не принимается».

В машине я ещё раз перечитал переписку с Мариной. У выхода с рынка мужчина и женщина ссорились из-за забытого зонта; хозяин кафе гасил лишний свет. За моей спиной тоже заканчивался торговый вечер, только покупатели уносили покупки, а я — серебряный футляр, который пытались отнять силой.

Табакерка исчезла, зато доверенный мне футляр остался при мне. Утром я собирался узнать имя раненого торговца — раньше, чем Бурцев передумает изображать вежливого покупателя.

Глава 3. Хозяева ночи

До обеда я уже успел испортить настроение коллегам: отказался пожимать руки, будто меня недавно избрали в начальники. После вчерашней драки пальцы слушались плохо. Когда один клиент снова полез благодарить за ремонт, я сунул ему ключи от машины обеими руками. Коллеги заржали. К вечеру мне хотелось разговаривать с людьми, которые хотя бы знают, зачем хватают чужие запястья.

Футляр до вечера лежал дома в закрытом ящике. Семён заглянул туда, фыркнул и велел убрать чужое серебро с его территории до того, как гости начнут драться прямо в прихожей. Я пообещал разобраться с владельцем. Домовой на это ничего не сказал, зато демонстративно поставил возле ящика веник.

Ближе к вечеру я написал Николаю Громову. Тот сообщил, что пожилой торговец после вчерашней драки разговаривал нормально, но сегодня на рынке не появлялся. Соседи помогли ему добраться до врача. Имени Николай тоже не знал: человек арендовал место недавно и любил представляться просто «хозяином этих чудес». Для рынка с несколькими сотнями торговцев характер вполне подходящий.

— А чёрную коробку кто-нибудь вернул? — спросил я по телефону.

— Ты мне сейчас предлагаешь опросить весь ряд? — возмутился Николай. — Я сам сегодня бегал за хозяином потерянного шарфа. Его, кстати, трижды пытались купить.

— Значит, не вернули.

— Романа не видел. И слушай: к тебе здесь интересуются. Один господин даже предложил деньги за знакомство.

— Ты взял?

— Я предложил ему познакомиться со мной бесплатно. Он обиделся. Ты приезжай через главный вход, я там рядом буду.

На рынок я отправился уже после закрытия мастерской. По пути остановился за кофе у киоска, где продавщица не обращала внимания на мою физиономию, и прикинул свои сегодняшние задачи. Убедиться, что футляр принадлежит раненому торговцу. Показать его Фёдору. Забрать вещь обратно целой. Если повезёт, понять, из-за чего люди в дорогих пальто готовы ломать носы тем, кто мешает им покупать.

Мои планы снова выглядели слишком прилично.

Вечером торговый район был ярче вчерашнего. Возле «Галереи» молодой музыкант играл на гитаре, подростки спорили о песне, девушка с собакой никак не могла уговорить питомца пройти мимо стойки с жареной курицей. Сам ночной рынок светился вывесками; из открытых дверей несло кофе, пряностями и влажным воздухом. Я поставил машину на той же стоянке и с минуту сидел, наблюдая за входом. Ни серого пальто, ни людей Бурцева в поле зрения не было.

Николай встретил меня у «Корицы». На нём висел ярко-жёлтый жилет поверх куртки: сегодня он помогал приятелю с доставкой сувениров между работающими павильонами. В одной руке держал стакан, в другой — игрушечного медведя с неприлично длинными ушами.

— Это что? — спросил я.

— Покупателю не понравилась морда. Хочет заменить.

— А морда что, на заказ?

— У покупателя, кажется, да. Ты руку убрал? Вчера выглядел так, словно решил выиграть соревнование по разборке мебели лбом.

Я показал ему здоровую ладонь. Николай не поверил, но допытываться не стал. Вместо этого кивнул к открытой двери кафе: Фёдор ждал за столиком у стены. Рядом с ним стояла чашка чёрного кофе и лежал аккуратно сложенный бумажный пакет. В нём, как выяснилось

позже, были купленные им у другого торговца старинные пряжки. Человек, в которого давно перестало иметь смысл втыкать обычный градусник, выбирал товар внимательнее иных ювелиров.

— Вы оба тут, — сказал Николай. — Отлично. Если снова начнут падать столы, предупредите хотя бы до моего кофе.

Фёдор взглянул на него поверх чашки.

— Унеси медведя. Он меня раздражает.

— Ты ещё не знаешь, сколько он стоит.

— Вот поэтому и раздражает.

Николай ушёл, качая медведя за ухо. Я сел напротив Ершова так, чтобы видеть дверь и часть торговой аллеи. Рядом компания студентов спорила о том, кто заказал лишний десерт. Официантка Вера ловко обошла их стол и, узнав меня, сначала посмотрела на мои костяшки, затем на ближайшую стойку.

— Сегодня посуда останется на месте? — спросила она.

— Я надеюсь.

— Тогда чай принесу. Кофе у вас вчера был поздноват.

Профессиональная память у человека, обслуживающего сотни гостей, порой пугает сильнее магии.

Я достал футляр, не разворачивая его из платка полностью, и подвинул Фёдору. Он не бросился открывать замок. Сначала повернул вещь к свету, провёл ногтем по кромке, прищурился. Потом достал из кармана небольшую складную лупу и долго рассматривал один из углов.

— Опять серебро, — произнёс он наконец. — Люди почему-то уверены, что я должен радоваться каждому куску металла.

— Ты сам попросил привезти.

— И радуюсь возможности подтвердить, что ты ничего не понимаешь в покупках.

— Я его не покупал.

— Это единственное, что пока играет в твою пользу.

Фёдор отложил лупу, подставил футляр боком под лампу. Там, где я видел просто потёртую полосу, обнаружилась цепочка неглубоких следов. Не украшение, скорее места, которые долго прижимали к другому предмету. У края была старая вмятина, чуть темнее остального серебра.

— Работу узнаёшь? — спросил я.

— Мастерская рубежа прошлого и позапрошлого веков. По кромке видно, как подгоняли пластину. Потом эту вещь переделывали. Грубо и намного позже. Точнее без исходной части не скажу.

— Ты сейчас определил это по магии?

Он поднял глаза, и мне сразу стало ясно, что вопрос был лишним.

— Горин, я столько лет торгую железом, серебром и чужой самоуверенностью, что могу узнать неудачную работу по тому, как за неё просят деньги. Тут всё руками сделано. И глазами проверяется. Про клады эта штука мне ничего не шепчет.

— Тогда почему её так хотели?

— Вот это вопрос к живым жадным людям. А ещё к тому, у кого ты взял футляр. Как его зовут?

— Не успел сказать. Его ранили, потом унесли к врачу.

— Значит, ищи и слушай. На рынке он арендовал чужое место, я вчера видел его первый раз. Если захочешь сохранить вещь — лучше верни владельцу, как обещал.

— Для этого и приехал.

Фёдор осторожно коснулся замка, не пытаясь его открыть. На торце темнела узкая прорезь, края целые. Внутри при движении едва слышно стукнуло что-то твёрдое. Ершов остановил руку, задумался и отодвинул вещь обратно.

— За такой предмет я предложил бы тебе девять тысяч рублей, если бы ты пришёл с правом продажи, — сказал он. — Как вещь для коллекционера. Без содержимого, без сказок и без чужого права собственности. Но больше платить вслепую не стану.

— Вчера мне давали тридцать тысяч. Потом решили забрать даром.

— Ты видишь, какую пользу рынку приносят невоспитанные конкуренты? После них мои цены кажутся честными.

— Продавать всё равно не буду.

— Разумно. Мне хватает чужих семейных ссор и без покупок украденного.

Фёдор допил кофе, взглянул на часы и придвинул мне футляр. Я завернул серебро в платок и убрал во внутренний карман. Рассказывать Фёдору о пропавшей табакерке второй раз не стал: потерянная вещь не вернулась бы от повторения жалобы. Зато спросил, не попадался ли ему Роман.

— Не попадался. У него были свои причины лезть за коробкой. Догадок у меня больше, чем терпения их обсуждать. И ещё, Артём: сегодня здесь будет Лавр. Если предложит удобную сделку, посмотри, кому от неё удобнее.

Фёдор поднялся. В дверях его задержал мужчина с пакетом пряжек, и они тут же начали спорить о состоянии застёжек. Ершов ушёл разговаривать о товаре так увлечённо, что даже не оглянулся. Очень по-человечески: редкая вещь способна отвлечь вурдалака от чужой беды на весь вечер.

Я остался с чаем и чужим футляром. Через стекло видел, как люди возвращались из ТРЦ с покупками. Уличный музыкант перешёл на другую песню. Двое подростков снимали короткое видео возле светящейся вывески. Я решил допить чай и проверить у Николая, не появился ли раненый торговец, когда за моим столом остановился высокий мужчина в безукоризненно застёгнутом сером пальто.

Он выглядел лет на сорок, был гладко выбрит, волосы зачёсаны назад. Улыбка получилась спокойной и вполне подходящей человеку, который привык получать ответ до того, как закончит вопрос. Только глаза смотрели слишком внимательно, не задерживаясь на лице.

— Артём Горин? Лавр Седов, — представился он. — Можно?

Я указал на свободный стул.

— Вежливые предложения на этом рынке заканчиваются одинаково. Сначала «можно», потом ломают мебель.

— Я предпочитаю хорошую мебель. И честный разговор, когда это возможно.

Он сел, не снимая пальто. Вера подошла принять заказ; Лавр попросил воду без льда. Она принесла стакан с тем же выражением, с каким выполняла любой другой заказ. Я отметил про себя: даже самые старые посетители здесь не освобождались от правил кафе.

— Меня интересует вещь, которую вам передали вчера, — сказал Лавр.

— Меня интересует, кто её владелец.

— Вы уверены, что эти интересы несовместимы?

— Пока не вижу причин их объединять.

— Я могу взять футляр на хранение. Вы спокойно покинете рынок, никто не станет следовать за вами, беспокоить дома или создавать лишних сложностей. Я сумею объяснить слишком деятельным людям, что вопрос закрыт.

— А если я не захочу?

— Тогда вам придётся самостоятельно убеждать их в своей правоте.

— Звучит как предложение охраны от тех, кто и устраивает неприятности.

— Я не знаком с каждым плохим воспитателем этого города, — ответил он. — Вчерашнего Бурцева, например, не нанимал.

— Но знаете, кто он.

— У людей Ланского громкая репутация. Некоторые гордятся ею. Напрасно.

Лавр сделал крохотный глоток воды. Его пальцы оставались неподвижными, а взгляд на секунду скользнул к карману моей куртки. Мне не нравилось, что собеседники различают место футляра быстрее, чем я успеваю сесть.

— Допустим, я отдам вам серебро, — сказал я. — Что дальше?

— Вы живёте своей жизнью. Торгуете собственными находками. Возможно, иногда вспоминаете человека, который избавил вас от ненужного внимания.

— И вы за это получаете коробочку? Дорогая благотворительность.

— Коробочка сама по себе меня мало занимает. Мне важнее, кто будет допущен к следующим сделкам вокруг неё. Иногда право вовремя услышать предложение стоит дороже металла.

— Значит, хотите первым узнавать о чужих находках.

— Мне нужен доступ к будущим покупкам, — сказал Лавр. — Когда хозяин сам захочет продавать, вы меня позовёте.

— Нет.

Лавр молча положил визитку возле моего чая. В это время у соседнего стола продавец с портфелем принялся фотографировать бархатную коробочку для покупателя. Телефон всё время фокусировался на отражении в стекле, а не на серьге. Мужчина выругался, отодвинул лампу и нажал кнопку ещё раз.

Двойная стеклянная перегородка отразила Лавра дважды: оба изображения наложились одно на другое, пока вампир поворачивался к продавцу. Никакого второго человека не было, но на снимке покупателя получились два одинаковых консультанта. Мужчина поднял голову, посмотрел на стекло и увидел, кто стоит у него за плечом.

— Я нанимал одного консультанта, — сообщил он громче, чем требовалось. — За второго платить не собираюсь!

Вера подошла к нему с полотенцем.

— За отражения у нас пока не берут, — сказала она. — Зато за перевёрнутый капучино попрошу рассчитаться.

Он вскочил, задел чашку, и горячая пена потекла по бархатной коробочке. Лавр метнулся к столику обычными шагами: под лампами для теневого рывка не хватало близких видимых теней. Покупатель отдёрнул коробку от кофе и невольно открыл её. Я успел заметить золотую серьгу с тёмным камнем. В тот же миг у входа остановилась женщина в зелёном пальто. Она тоже увидела украшение.

Покупатель принялся вытирать бархат, ругая заведение, отражения и бесплатных консультантов. Лавр извинился перед Верой, хотя виноватым себя явно не считал. Благодаря испорченной фотографии его тщательно закрытая сделка оказалась выставлена перед всем кафе, а Инге уже не требовалось выпытывать, где лежит коробочка.

Из дверей вошла женщина в тёмно-зелёном пальто. Она прошла мимо очереди, остановилась возле стола Лавра и, ни у кого не спрашивая разрешения, взяла коробочку двумя пальцами. Длинные каштановые волосы лежали на плечах ровно; под яркой лампой её лицо казалось бледным, но взгляд был очень живой. И злой.

— Седов, — произнесла она. — Я надеялась, у тебя хватит ума не выставлять мои вещи на продажу при мне.

— Инга, — ответил он. — Ты сама отказалась от встречи.

— Я отказалась покупать собственное украшение.

Мужчина с портфелем встал так резко, что стул ударился о соседний. Несколько посетителей обернулись. Инга открыла коробочку и показала Лавру серьгу с тёмным камнем, оправленным в тонкий золотой ободок. На внутренней стороне крепления виднелась маленькая царапина.

— Вторая где? — спросила она.

— Я покупал одну, — пробормотал мужчина. — У посредника. Законно.

— Тогда продавец тебя обманул. Эти серьги были парой ещё тогда, когда твой дед не умел выговаривать своё имя.

Он посмотрел на Лавра, ожидая защиты. Вампир не поспешил вставать.

— Прежде чем обвинять человека, покажи, чем подтверждаешь право, — тихо сказал он.

Инга взяла серьгу за штифт, повернула в свете настольной лампы.

— Эту царапину оставила я. Сама. В день, когда камень выпал и его закрепляли заново. У меня осталась вторая. Можешь смотреть сколько захочешь.

Она достала из кармана маленький свёрток, развернула. Там лежала другая серьга, с такой же оправой, чуть более светлым камнем. Ни вспышек, ни магических свидетельств. Две вещи с очевидным сходством и женщина, которая не собиралась отдавать их чужому покупателю. Этого было достаточно, чтобы спор стал неприятным.

— Откуда серьга у посредника? — спросил Лавр у мужчины.

— Мне её принесли в похожем серебряном футляре. Узком, с вмятиной. Сказали, вещи из семейного набора, — ответил тот и сразу посмотрел на меня. — Я этого человека раньше не видел.

— Никто тебя пока и не спрашивает, видел ли ты меня, — сказал я.

Инга обернулась. Она посмотрела на мою куртку, затем на лицо. В глазах мелькнуло узнавание, хотя я мог поручиться, что мы не встречались.

— У тебя тот футляр? — спросила она.

— Чужой. На время. О содержимом ничего не знаю.

— Тогда и не вздумай продавать, пока не разберёшься. Седов прекрасно умеет рассуждать о честных покупателях, особенно когда платят ему.

— Инга, прекрати устраивать представление, — сказал Лавр.

— Верни мои украшения — и ты меня не увидишь до следующего раза.

Плотный покупатель сглотнул. Инга спокойно положила первую серьгу в коробочку, но мужчина успел схватить её за крышку. Стол качнулся; чашка с капучино опрокинулась ему на рукав. Он зашипел и отпустил коробочку. Инга не ударила его, не исчезла в тени и не попыталась сделать вид, что довольна. Просто поставила чужую чашку прямо и чуть отодвинула стул, чтобы между ними осталась преграда.

— На чужом товаре можно заработать один раз, — произнесла она. — А можно лишиться всех покупателей. Выбирайте.

Вера подошла с полотенцем, оглядела разлитый кофе и потребовала, чтобы спорящие немедленно перестали толкать мебель. Плотный мужчина схватил салфетки. Лавр обернулся к официантке и извинился. Меня поразила обыденность этой сцены: вампирша спорила о серьгах, покупатель обжёгся кофе, а главной угрозой для всех стала женщина, которая отвечала за чистоту зала.

— Сколько заплатили? — спросила Инга у покупателя.

Он назвал сумму вполголоса. Она усмехнулась, достала кошелёк и положила на стол купюры.

— Забирай свои деньги. Серьгу оставь. Потом объяснишь продавцу, почему больше не берёшь его товар.

Покупатель посмотрел на Лавра. Тот развёл руками: сделка явно перестала приносить ему удовольствие. После короткого молчания мужчина собрал деньги, закрыл портфель и

ушёл, оставив недопитую чашку. Инга положила обе серьги в свой свёрток. На прощание сказала Лавру:

— Вторую партию найдёшь — предупредишь меня. И не пытайся прикрываться Аглаей. У неё своё заведение.

— Я её именем не торговал, — ответил Лавр.

— Только половине рынка рассказал, что она ручается за твоего покупателя.

— Это разные разговоры.

— Расскажи ей.

Последние слова прозвучали в ту секунду, когда в кафе вошла Аглая Вересова.

С ней был мужчина в светлом шарфе, с которым я прежде не встречался. На нём сидел дорогой костюм, но хозяин явно устал от чужого вечернего расписания. Он попросил столик подальше от шума; Аглая коротко кивнула Вере, и та проводила гостя к окну. Сама вампирша остановилась возле Лавра и Инги.

— Уже рассказали, — сказала она. — Но я предпочитаю слышать от первоисточника.

Она посмотрела на Лавра. Он выдержал её взгляд, но привычная улыбка так и не появилась.

— Я говорил покупателю, что у нас с вашим клубом нет коммерческих разногласий, — произнёс он.

— У моего клуба есть собственные правила. Я отвечаю за гостей, которых приглашаю лично. Вашего покупателя я не приглашала, вашу сделку не подтверждала и своё имя вам в залог не давала.

Инга удовлетворённо усмехнулась. Аглая даже не повернулась к ней.

— И вы, Белова, — продолжила она, — свои счёты сводите без упоминания моего персонала. Сотрудники клуба не обязаны угадывать, кто у кого украл украшения.

— Я вернула своё, — сказала Инга.

— Прекрасно. Оставьте это событие внутри своих кошельков.

Я остался за столиком, надеясь, что меня не заметят. Безуспешно. Аглая посмотрела в мою сторону с выражением хозяйки заведения, которая обнаружила возле гардероба человека с ведром бензина.

— Горин. Вы снова оказались рядом с чужим спором.

— Сегодня сижу тихо. Даже чашку не разбил.

— Хорошее начало.

— И отличное продолжение, если меня никто не будет покупать.

Она не улыбнулась, но на миг её взгляд потеплел.

— Лавр умеет находить покупателя. Я умею сохранять собственных гостей. Надеюсь, разницу он запомнит.

— Уже запомнил, — сказал Лавр.

— Тогда вы все можете продолжить вечер без меня.

Аглая вернулась к мужчине в светлом шарфе. Через несколько секунд я увидел, как она разговаривает с ним о заказе, спокойно и деловито, словно в соседней части зала не выясняли, кому принадлежат вещи из таинственных футляров. Её клуб, её гости, её деньги. В чужую драку она не собиралась вписываться ради красивого жеста.

Инга стояла у выхода, всё ещё держа свёрток с серьгами. Я подошёл, стараясь держать правую руку свободной.

— Скажите, тот футляр, в котором привезли серьгу, был точно такой же?

— Похожий. Я не видела его близко. Покупатель описал. Мне нужен был мой товар, а не чужая коробочка.

— А мои вещи вам не нужны?

— Пока не узнаю, что в них, — ответила она. — И не рассчитывай, что я стану ждать ради твоего удобства.

Она вышла в ярко освещённую аллею обычным шагом. Лавр проводил её взглядом. Он не пытался перехватить футляр и не предлагал мне новый договор. Когда мы случайно встретились глазами, он чуть наклонил голову и вернулся к пустому столику. Кажется, вечер не удался сразу нескольким людям, но каждый проиграл в разном.

Я вышел из кафе позже. Нужно было выяснить одну простую вещь. На соседнем ряду торговали современными аксессуарами и антиквариатом. Там вчера стоял пожилой продавец, а сегодня его место занимала женщина в тёмном фартуке. Она помогала паре выбрать серебряные запонки и явно не собиралась закрывать торговлю раньше времени. Я не стал отвлекать её от покупателей. Встал подальше и осмотрел прилавок.

Стеклянная верхняя часть была новой, с ровными прозрачными полками. Нижнюю деревянную панель явно переставили от другого торгового оборудования: вдоль бокового края шла длинная потёртая металлическая планка. На ней темнели крошечные следы старых креплений, похожие на отметины на серебряном футляре. Я достал его лишь настолько, чтобы сравнить на глаз расстояние и форму. Совпадение было любопытное, но доказательством пока не являлось. Я снова спрятал футляр.

— Вам помочь? — спросила женщина, закончив разговор с покупателями.

— Вчера здесь работал пожилой торговец. Ему досталось во время драки. Вы не знаете, как его найти?

— Знаю, — ответила она осторожно. — Он отдыхает. А вы кто?

— Человек, которому он доверил вещь до разговора. Хочу вернуть лично. И кое-что спросить о вашем прилавке.

Она смерила меня взглядом от разбитых костяшек до плеча, которое я всё ещё старался не поднимать высоко.

— Сначала поговорю с ним. За прилавок посторонних не пускаю. Завтра зайдите, если он подтвердит ваши слова.

— Договорились. Меня зовут Артём.

— Я слышала, — сказала она и неожиданно добавила: — Вчера здесь о вас рассказывали громче, чем играла музыка.

Значит, плохая слава тоже продаётся без расписания. Я отошёл от прилавка. В голове складывалось немногое: чужой футляр когда-то мог крепиться к конкретной вещи; торговец не отдал его людям с коробкой; вокруг него возникли три разных интереса. Ни одна из догадок не объясняла, кому принадлежит серебро. Значит, искать владельца придётся через человека, который доверил вещь, а не через тех, кто предлагает за неё охрану.

Телефон завибрировал, когда я уже направлялся к выходу. Марина написала: «Завтра после восьми у „Корицы“. Я буду рядом по своему делу. Нам есть о чём поговорить, и это не о твоём футляре». Следом появилось: «Приходи без свежих приключений, пожалуйста».

Огни рынка отражались в стекле кафе; мимо спешили посетители с пакетами. Судя по прошедшим двум вечерам, выполнить её просьбу было сложнее, чем найти недовольного покупателя среди антикваров.

«Постараюсь», — ответил я.

У ворот я услышал, как Инга спорит с человеком, который назвал её браслет «товарной позицией». Через минуту Лавр распорядился убрать со стола чужой договор, Аглая велела официанту пропустить посетителей к выходу. Каждый занялся своим делом. Я вынул телефон и набрал Николаю: пора было узнать, как связаться с тем раненым торговцем.

Если он сам передал мне футляр, право объяснить его назначение принадлежало ему. Вот с этого и начну.

Глава 4. Ведьма против покупателя

Марина выбрала «Корицу» и велела явиться туда без толпы преследователей. Я проверил площадь перед кафе: мотоцикл курьера, двое с пакетами, собака, которая тащила добычу из мусорной урны. Пока всё походило на нормальный вечер.

Часы над входом показывали восемь вечера. Девушка в жёлтой куртке тянула за поводок маленького пса, который разорил бумажный пакет и гордо вынес пустую коробочку. Продавец у соседней стойки объявил, что пакеты обмену не подлежат, если покупатель их уже съел. Девушка засмеялась; пёс тоже выглядел довольным. Я встал под навесом, освободив проход, и впервые за день заметил, насколько приятно ждать человека, а не удара по затылку.

Марина вышла из кафе как раз тогда, когда собака положила добытую коробку мне под ноги. Я поднял картонку, хозяйка бросилась следом и принялась извиняться. Марина посмотрела на меня и улыбнулась глазами: рядом со мной даже пустая коробка выглядела подозрительной находкой.

Рынок гремел стаканами и музыкой. Возле обувного магазина примеряли ботинки, студенты ели пиццу на ступенях, молодая мать разглядывала серебряные подвески. Люди были заняты своими делами. Я уже знал, как быстро здесь меняется настроение.

Я пришёл пешком от стоянки, оставив машину в соседнем квартале. Серебряный футляр, завёрнутый в платок, по-прежнему лежал во внутреннем кармане. Дома я проверил замочек, убедился, что он не тронут, и снова спрятал вещь. Сначала хотел оставить у Семёна, потом вспомнил просьбу раненого торговца: подержать до разговора. Если мне сегодня удастся встретить того, кому я должен вернуть серебро, придётся достать его сразу, а не ехать через полгорода.

Плечо тянуло при резком повороте. Костяшки левой руки подсохли. На работе я подменял коллегу на приёмке машин и наблюдал, как тот спорит с клиентом, уверенным, что стартер можно починить силой убеждения.

Марина вышла из дверей соседнего торгового павильона без всяких эффектных вспышек. Несла узкий бумажный пакет, на плече висела тёмная сумка. Волосы собраны, пальто расстёгнуто, лицо усталое. Увидев меня, она остановилась и посмотрела сначала на часы, потом на мои руки.

— Ты сегодня вовремя, — сказала она.

— У меня сложная репутация. Решил начать её исправление с простого.

— А руку кому показывать будешь?

— Кому-нибудь, кто не задаёт вопросов.

— Значит, никому.

Она наклонилась и поправила у пакета загнувшийся край. Я заметил внутри небольшую плоскую коробку, перевязанную лентой.

— Твоя покупка?

— Не совсем. Забрала заказ для знакомой. Здесь работает мастерская, где делают хорошую оправу для старых зеркал. У неё треснула рамка, а она упёрлась, что новую вещь не примет. Теперь у меня в руках чужая семейная ценность, за которую меня уже трижды попросили отвечать головой.

— Звучит знакомо.

— Только я знаю хозяйку своей вещи и не собираюсь устраивать вокруг неё турнир.

Я промолчал.

— Я ради этого и просила встретиться, — продолжила она. — Завтра уеду по делу. Передам заказ, вернусь поздно. Хотела нормально поговорить, пока мы оба в одном городе и никто не кричит нам вслед.

— О чём?

— Например, как ты живёшь. Чем занят в мастерской. Когда последний раз ужинал за столом, а не возле чужого сундука.

Я пожал плечами. Получилось неловко: ключица напомнила о позавчерашнем знакомстве с кулаками.

— Есть и хорошие новости. Я нашёл отличный кофе.

— Я знаю это кафе, Артём. Хожу сюда без тебя.

Внутри «Корицы» пахло корицей, поджаренным хлебом и шоколадом. Официантка Вера помнила меня с предыдущего вечера. Сегодня она посмотрела на Марину, на меня и произнесла с безукоризненной вежливостью:

— Два места у окна? Или вам желательно поближе к выходу?

— У окна, — ответила Марина прежде, чем я успел открыть рот. — И два нормальных стула. Он останется на месте.

— Постараюсь, — пообещал я.

Сели в дальнем конце зала. Над соседним столиком висел светильник с медным абажуром, за стеклом мигала вывеска кондитерского отдела. Марина положила свой пакет рядом с собой и заказала суп. Я взял мясо с овощами и крепкий чай. Первый раз за последние дни меня никто не торопил рассказать, где спрятано чужое серебро.

Мы поговорили о её заказе, работе и моём отце, который недавно звонил из Лугового и спрашивал, когда я приеду. Я опять откладывал поездку. Марина заметила, что обещание от этого не исчезает.

Потом я машинально проверил пальцами карман с футляром.

Она заметила.

— Я просила встретиться с тобой, — сказала Марина, отодвинув пустую чашку, — а не с твоим карманом.

— Плохая привычка.

— У тебя появились привычки похуже. И я хотела понять, остаётся ли место для чего-нибудь обычного.

Отвечать сразу не получилось. За окном мелькнуло знакомое серое пальто; мужчина повернул к киоску, оказался совершенно незнакомым и купил мороженое. На секунду мне стало стыдно за то, что даже здесь высматриваю Бурцева.

— Остаётся, — сказал я. — Просто иногда до этого обычного надо добраться.

— Тогда попробуй сегодня. Доедим и выйдем пройтись. Я не против твоих приключений. Я против того, чтобы они каждый раз выбирали за нас.

Я поднял чашку, чтобы скрыть улыбку. Уже собирался предложить набережную, где после заката подсвечивали деревья и можно было разговаривать без посторонних ушей.

Тут в зал вошёл человек, которому явно было нужно, чтобы его услышали все.

Он остановился между кассой и нашим столом, загородив проход женщине с подносом. Невысокий, крепкий, с аккуратно подстриженной бородой и красными ушами. На нём была новая куртка, явно купленная с надеждой произвести впечатление. Впечатление пока производил голос.

— Вот он! — объявил мужчина, указывая на меня. — Тот, кто обчистил продавца! Я его вчера видел!

Вера замерла возле кассы. Двое студентов обернулись, забыв про свои телефоны. Женщина с подносом шагнула в сторону и едва не задела стул.

— Вы меня с кем-то путаете, — сказал я. — Мы знакомы?

— Футляр у тебя. Серебряный. Забрал у торговца, когда того ударили. Все видели!

— Вчера? — переспросила Марина.

— Позавчера, — поправил я. — Вчера было спокойнее.

— Для тебя, возможно.

Незнакомец услышал только ту часть разговора, которая подходила ему.

— Значит, признаёшь! Отдавай вещь. Я отвечаю за неё перед хозяином.

— Каким хозяином?

— Человеком, чьё добро ты украл.

— Имя?

— Тебе имя не нужно. Доставай.

— Не получится. Пострадавший продавец доверил футляр мне до разговора. Если вы от него, назовите его хотя бы так, чтобы мы могли проверить.

Мужчина развернулся к соседним столикам.

— Слышали? Он сам говорит, что вещь у него! Её владелец лежит после нападения, а этот ходит с серебром по ресторанам.

Последнее слово у него получилось оскорбительным для кафе. Вера сжала губы и приблизилась.

— Здесь не место для выяснения отношений. Если у вас претензии, обсудите их снаружи.

— Он уйдёт, — отрезал бородач. — Я знаю таких.

— А я знаю, что вы мешаете посетителям, — сказала Вера. — Прошу к выходу.

Человек нахмурился, но взгляд его на мгновение скользнул мимо меня, к стеклянным дверям. Я повернул голову. За ними, в широком проходе, где свет витрин уступал тёмному простенку между павильонами, стоял Лавр Седов. Он разговаривал с молодой женщиной в пальто. Увидев, что я смотрю, вампир не отвёл глаз. Кивнул, словно мы просто встретились в очереди за хлебом. Женщина ушла к ювелирной витрине, Лавр остался. Я не мог знать, имеет ли он отношение к нашему гостю. Но наблюдать за тем, как развивается чужой спор, он явно не возражал.

— Сядь, — негромко сказала Марина.

— Я и так сижу.

— Не тебе.

Бородач посмотрел на неё впервые. Ему хватило нескольких мгновений, чтобы решить, что именно женщина мешает получить желаемое.

— Вы его подруга? Скажите, пусть отдаст ворованное. Не хотите же отвечать вместе с ним.

Марина отложила ложку, положила ладони на стол и ответила так тихо, что люди за соседним столиком перестали шептаться, пытаясь услышать:

— Вы пришли обвинять человека публично. Назвать пострадавшего не можете. Вещь не видели. Выход вам показали. Дальше сами выбирайте.

— Смотрите, какая строгая. — Незнакомец попытался усмехнуться. — Он тебя научил?

Я уже собирался встать, но Марина едва заметно покачала головой. Ей не требовался защитник от грубых слов. Мне требовалось не испортить ещё один вечер.

— Разговор окончен, — сказал я. — Можете передать любому хозяину: завтра буду у павильона. С тем человеком, который передал футляр, поговорю лично.

Незнакомец схватил меня за ворот куртки через стол. Локтем задел тарелку, суп плеснул на скатерть.

— Показывай карман!

Я отбил его ладонь снизу, встал и отодвинул стул, чтобы не опрокинуть Маринин пакет. Незнакомец отступил к дверям, придерживая меня взглядом. По его лицу было видно: он рассчитывал, что люди увидят мою вину, а вместо этого увидели его наглость. На нас смотрели уже со всех сторон. Вера попросила администратора открыть дополнительный проход для выходящих гостей.

— Всё, — сказала Марина, поднимаясь. — Уходим.

Я рассчитывал, что бородач наконец сообразит закончить представление. Он сообразил другое.

— Побежали, значит! — выкрикнул он и последовал за нами.

Мы прошли в общий торговый коридор. Здесь ярко светились витрины, у стойки мороженого стояла очередь, из магазина одежды выходили двое мужчин с одинаковыми пакетами. Вера осталась у двери кафе. Я повернулся к Марине, надеясь, что преследователь отстал.

— Извини. Ты права, встреча вышла…

— Артём, справа.

Я увидел нож, когда металл уже мелькнул над чужим локтем.

Бородач достал складное лезвие из бокового кармана и рванулся ко мне между двумя низкими рекламными стойками. Удар пришёлся бы по животу. Я успел повернуться, но расстояние оставалось слишком маленьким. Бежать в сторону было некуда: за моей спиной женщина держала ребёнка за руку.

Марина резко выбросила ладонь вперёд. Воздух между её пальцами и запястьем нападавшего прочертила тонкая сероватая нить, как след пепла на мокром стекле. Нить натянулась и на мгновение стянула запястье нападавшего с краем его куртки. Лезвие дёрнулось в сторону от меня и разрезало ткань у него на груди.

Бородач взвыл. Он пытался размахнуться другой рукой, но не мог освободить первую. Марина сделала второй быстрый жест, собираясь удержать его ещё крепче. Пальцы дрогнули. Серый отблеск прошёл мимо рукава и растаял, не коснувшись ткани. Она чуть пошатнулась и опёрлась о край рекламной стойки. Магии хватило на один короткий захват. Дальше придётся работать обычными руками.

Я схватил нападавшего за локоть с ножом и ударил его предплечьем о край низкой стойки. Рука онемела, лезвие упало к моим ботинкам. Я толкнул оружие подошвой под закрытую торговую тумбу. Бородач свободной рукой вцепился мне в ворот, рванул вниз. Я ударил его плечом в грудь. У нас обоих перехватило дыхание; на этот раз досталось и моей ключице. Из толпы кто-то закричал.

Он оказался тяжелее, чем выглядел. Попытался развернуть меня боком к витрине, упёрся ступнёй в край плитки. Я сделал шаг вслед за его давлением, перехватил куртку под мышкой и резко потянул вниз, за спину. Противник потерял равновесие. Его колено с грохотом ударилось о пол. Я прижал его предплечье к плечу, заставляя лечь лицом вниз, и навалился всем весом. Локоть заскрипел не по-человечески неприятно — он заорал и перестал сопротивляться.

— Лежать. Нож больше не нужен, — выдохнул я.

— Сними руку, скотина!

— Когда перестанешь пытаться кого-нибудь проткнуть.

Марина стояла возле женщины с ребёнком и удерживала ладонь на уровне груди. На лице у неё не осталось и следа улыбки. Ребёнок уткнулся матери в пальто. Продавец из соседнего магазина осторожно вышел из-за стойки, подобрал упавший пакет и попросил посетителей разойтись, не устраивая давку.

Я прижал бородача ещё несколько мгновений. Затем дождался, пока двое взрослых мужчин из очереди подойдут достаточно близко, чтобы он не вскочил с новой попыткой драки. Отпустил руку, поднялся и отступил. Незнакомец сел на полу, потирая плечо. Его левая щека покраснела от удара о плитку. В глазах стояли злость и недоумение — почему всё пошло не так, как он рассчитывал.

— Ваш нож под тумбой, — сказал я подошедшему администратору торгового ряда. — Не давайте ему достать.

Вместо ответа тот посмотрел на мой разрезанный рукав, потом на нападавшего.

— У вас тут каждый вечер так?

— Сегодня хотелось спокойно поесть.

— У всех были планы, — сухо произнесла Марина.

Вера вышла с салфетками, увидела бородача на полу и закрыла глаза. Видимо, чай мне теперь будут подавать только на вынос.

Лавр по-прежнему стоял у тёмного простенка. Теперь он смотрел на торговый ряд поверх голов посетителей. Ни удивления, ни сожаления. Я направился к нему, прежде чем придумал достаточно разумную причину оставить его в покое.

— Вы видели, что произошло?

— Большую часть, — ответил вампир. — В конце особенно отчётливо. Рынок небольшой, когда кто-нибудь начинает кричать.

— Тогда скажите, какое отношение этот человек имеет к Ланскому.

— Почему вы решили, что я обязан это знать?

— Он требовал футляр. Бурцев тоже требовал. А вы стояли здесь и наблюдали.

Лавр посмотрел на мои грязные манжеты.

— После вчерашнего разговора мне интересно, куда приведёт ваша упрямство. Он мог быть нанят кем угодно. Я не подписывал ему поручений.

— Может, хотя бы в этом вы не врёте.

— Я предпочёл бы слово «осторожен».

Он перевёл взгляд на Марину. Та шла следом, держа пакет с оправой у груди. Я заметил, что пальцы свободной руки она согнула и несколько раз разжала, словно отгоняла болезненное покалывание.

— Ваша спутница могла бы засвидетельствовать, что вы вещь не крали, — сказал Лавр. — Иногда достаточно слова человека, которому доверяют обе стороны. В особенности человека с её способностями.

У меня сразу появилась совершенно неправильная надежда. Раз Марина сама видела нападение, может, у неё получится убедить кого-то из этих самоуверенных торговцев прекратить охоту. Я повернулся к ней.

— Ты можешь ему сказать, что я не воровал. Он передаст остальным, и всё закончится.

— Я могу сказать, что видела нож, — ответила Марина. — И что ты защищался. Чего я не видела — так это передачи футляра. Я не знаю, чей он.

— Но я тебе рассказывал.

— Рассказывал. И я верю, что ты не придумал историю. Для остальных моё доверие не станет доказательством права на чужую вещь.

Лавр наблюдал за нашим разговором с нездоровым интересом.

— Было бы полезно иметь влиятельного поручителя, — произнёс он.

— И ещё полезнее не ставить поручителя перед фактом, — отрезала Марина. — Я приехала по собственному делу. Ваши коммерческие ссоры существуют и без меня.

Она говорила спокойно. От этого спорить становилось труднее. Я вспомнил, как хотел провести с ней вечер, а через час уже пытался уговорить выступить за меня перед вампиром. Не помогло бы даже то, что я на её месте, скорее всего, поступил бы так же.

— У раненого торговца есть возможность подтвердить передачу, — сказал я Лавру. — Вот с ним и поговорим. Никаких поручителей.

— Если успеете, — ответил вампир.

— Это угроза?

— Предположение. У любого рынка много желающих успеть первыми.

Он отошёл к освещённой витрине, не прибегая к складке тьмы. Я проводил его взглядом. До вчерашнего вечера он предлагал мне охрану. Сегодня предпочёл посмотреть, как меня публично назовут вором. Может, совпадение. Верить ему на слово было бы слишком щедрым подарком.

Марина коснулась моего локтя.

— Идём. Мне надо выйти на воздух.

Мы прошли к открытой площадке между рынком и дорожкой к «Галерее». Здесь было прохладнее. Дети катались на небольших самокатах под присмотром родителей, из соседнего заведения доносилась музыка, на дальнем конце площади кто-то фотографировался перед светящейся фигурой огромной чашки. Город продолжал свой вечер. Я посмотрел на Марину. В ярком свете она казалась бледнее обычного.

— Тебе плохо?

— Сильно потянула нить. На секунду сбилась рука. Пройдёт. — Она спрятала пальцы в рукав. — Тебе повезло, что тот человек так громко объявил о своих намерениях. Я увидела его раньше, чем он достал нож.

— Спасибо.

— За что именно?

— За то, что он не добрался до меня. За то, что не стала потом говорить людям красивую ложь. И за вечер, который я опять испортил.

Марина неожиданно улыбнулась.

— Последнее не бери целиком на себя. Ты в этот раз даже не успел предложить драку первым.

— Потрясающий прогресс.

— Я говорю серьёзно. Мне с тобой хорошо, когда мы разговариваем. Мне страшно, когда ты пытаешься всё решить один. И совсем не нравится, что ты ждёшь, будто я автоматически соглашусь на любую твою войну.

Я посмотрел на её пакет. Весь вечер она берегла чужую оправу и собиралась завтра доставить её хозяйке. Своё обещание она не выбросила ради серебра в моём кармане. И я наконец понял, почему её так рассердило моё предложение поручиться за футляр: я хотел переложить на неё часть риска, толком не спросив.

— Давай встретимся через несколько вечеров, — сказал я. — В другом месте. Без торговых рядов и обещаний, которые дают незнакомым людям.

— На набережной? Там сейчас открыли маленькое кафе с видом на воду.

— На набережной. Напишу, когда освобожусь.

— Напишешь заранее. Не за пять минут.

— Условие суровое, но приемлемое.

Марина поправила ворот пальто. Потом неожиданно наклонилась и коротко поцеловала меня в щёку. Рядом кто-то рассмеялся над шуткой своего приятеля. Никто из прохожих не счёл этот жест событием, заслуживающим внимания. А я на мгновение забыл и о футляре, и о том, как ноет плечо.

— Ты ещё собирался к прилавку, — напомнила она. — У тебя сегодня хотя бы есть человек, которому можно задать вопрос.

— Ты уходишь?

— Да. Мне рано выезжать. И если я останусь, ты опять попросишь подержать что-нибудь чужое.

— Не попрошу.

— Вот и проверим.

Она ушла к остановке обычным шагом. Ни зеркальной дороги, ни эффектного исчезновения. Я подождал, пока она повернёт за угол освещённой аллеи, и вернулся к антикварному ряду.

Женщина в тёмном фартуке, с которой мы разговаривали вчера, меня узнала. Она только что закончила показывать покупателю пару запонок и аккуратно убирала их на место.

— Вы снова, — сказала она. — Я звонила тому мужчине. Он подтвердил, что попросил вас сохранить футляр. И сказал, что будет разговаривать с вами, когда сможет прийти сам.

— С ним всё нормально?

— Ранение серьёзное, но он дома. Сейчас отдыхает. Я не собираюсь тревожить его каждым новым желающим выкупить серебро.

— И правильно. Мне нужен он, а не его адрес. Но я хотел ещё спросить о вашем прилавке. Здесь есть часть, которая кажется старше остального оборудования. И на футляре похожие следы крепления.

Женщина посмотрела туда, куда я указал. Стекло и подсветка действительно были новые, а нижняя деревянная полоса выделялась тёмным потёртым цветом. Она оглянулась на покупателей, дождалась, пока молодая пара отойдёт от витрины, и понизила голос.

— Я помню, что вы об этом говорили. Прилавок мой. Завтра приходите утром, до основной толпы. Покажу его поближе, если объясните, что собираетесь искать и что будет с найденным.

— Договоримся до того, как к чему-нибудь прикоснусь, — ответил я.

Она кивнула, но руки с витрины не убрала. Согласие посмотреть ещё не означало разрешение рыться во всём подряд. Мне это даже понравилось.

Я вышел из кафе, оглянулся на освещённый прилавок через улицу и вынул футляр на ладонь. На серебре не появилось ни одной новой подсказки. Завтра у меня будет место, где его можно проверить без чужих догадок: торговый прилавок Алёны и сама Алёна, способная в любую минуту прекратить осмотр.

В телефоне появилось короткое сообщение от Марины: «Я доехала. Про набережную помню». Я ответил сразу. Потом спрятал телефон и пошёл к машине, обходя людей с покупками. За спиной хлопнула дверь. Я не обернулся.

Глава 5. Павильон с характером

Алёна встретила меня за стойкой, сняла с прилавка кофейник и отодвинула коробку с новыми украшениями. Она указала на свободное место на стойке и велела искать только там. Я положил футляр точно в середину. Её правила были ясны: всё остальное принадлежало магазину, а любой осмотр она могла остановить. Такое соглашение меня устраивало.

— Ещё раз, — сказала она. — Что именно вы хотите здесь искать?

— Следы того, куда крепился футляр. Вчера показывал. Сегодня принёс саму вещь.

— А зачем вам это?

— Понять, кому принадлежит футляр. И почему за него уже дважды пытались оторвать мне голову.

— Отличный повод прийти ко мне с утра.

В торговом квартале день только набирал ход. Кофейня через проход выставляла на столики корзинки с булочками, в соседнем павильоне женщина примеряла серьги под пристальным взглядом подруги. На электронном экране крутили рекламу городского фестиваля. Ночной рынок днём не закрывался: просто самые дорогие и странные покупатели предпочитали появляться позже.

Я пришёл после короткого разговора с мастером в автосервисе. Вчера подменил коллегу, и сегодняшний первый час смены удалось обменять на свободное утро. Начальнику я сказал, что иду смотреть чужую покупку. Он спросил, когда автомобили окончательно перестали меня интересовать. Я обещал, что к обеду снова стану приличным механиком.

Женщина поправила на подставке серебряную чашку и представилась:

— Алёна. Дальше проще без «хозяйки павильона». Я это место содержу, но волшебные клады в стоимость аренды не включены.

На секунду мне захотелось спросить, откуда она знает слово «волшебные» именно в таком контексте. Потом я увидел за её плечом миниатюрную фигурку дракона с ценником и решил, что у торговцев антиквариатом чувство юмора развивается без дополнительных причин.

— Артём, — ответил я. — С кладами пока тоже не повезло.

— По вам заметно. Что с рукой?

— Неловкий покупатель.

— Они у меня тоже бывают. Одному вчера не понравилось, что серебро нужно оплачивать до того, как он положит его в карман.

У входа появился поставщик с коробками и сразу объявил, что набор керамических фигурок подорожал. Алёна даже бровью не повела: взяла одну коробку и повернула ценник к нему.

— Это твоя цена. Она вчера была ниже.

— Я сказал, что выросла!

— А я сказала, что не беру.

С дальнего конца прилавка прозвучало точное, возмущённое повторение его голоса: «Не беру!» Поставщик оглянулся, обнаружил только девушку с пакетом и потребовал перестать над ним издеваться. Девушка ахнула: ей показалось, что ругался я. Между тем три лёгкие карточки с ценами поползли по столешнице и остановились аккуратно у ног керамического оленя.

Я увидел в узкой щели за прилавком две любопытные тёмные точки. Кикимора обожала чужие споры, особенно когда в них можно было незаметно переставить мелочь. Но работала она только в своём павильоне, и тяжёлый товар оставался на месте.

— Никто не разговаривает, пока я не покажу пальцем, — заявила Алёна. Она указала на поставщика. — Ты забираешь лишнюю коробку. — На меня: — Ты берёшь серебро. — На щель: — А ты, невидимая зараза, оставь ценники в покое.

Из-за стойки сердито стукнуло. Поставщик вытаращился. Алёна протянула ему коробку, и тот ушёл, забыв потребовать прибавку. Я даже позавидовал: впервые видел столь короткие и успешные переговоры о цене.

Я достал свёрток и развернул платок на свободном краю стойки. Футляр тускло блеснул под лампой. Алёна не потянулась к нему сразу. Сначала посмотрела на стеклянную дверь, затем на мою руку.

— Тот мужчина подтвердил, что сам передал вам вещь. Он просил пока никому её не отдавать. Но это не означает, что я разрешила вам её открывать.

— Не собираюсь. Замок целый.

— Хорошо. Если выяснится, что в моём прилавке что-то спрятано, этот футляр не станет вашей наградой автоматически.

— Согласен. Я и не претендую на него.

Она указала на тёмную деревянную полосу в основании современной витрины. На фоне подсветки и гладких стеклянных стенок старая часть выглядела чужеродной. Фёдор вчера заметил на футляре потертости от крепления. Здесь, на дереве, сохранился короткий след серебристой пыли и две неглубокие выемки.

— Прилавок новый? — спросил я.

— Стекло и свет — мои. Основание купила вместе с торговым местом у человека, который раньше держал здесь ювелирные изделия. Он переехал в другой район. Мне понравилось дерево. Зачем выбрасывать хорошую вещь?

— И кто поставил на него новую витрину?

— Мастер. Вы сейчас заведёте разговор о том, как устроены крепления? Сразу предупреждаю: я за это деньги людям плачу.

— Нет. Я механик. Мне и на работе хватает железа.

Я поднёс футляр к полосе, не прижимая серебро к дереву. Форма совпадала почти идеально: потёртый бок оказался напротив более светлого пятна, а выступ на замочке приходился ровно над старой зарубкой. Алёна придвинулась, всмотрелась и неожиданно тихо выругалась.

— Вот ведь красавец, — сказала она.

— Прилавок?

— Тот, кто мне его продавал. Клялся, что всё пустое. Даже жаловался, что снизу нет места для запасов.

— Пока мы видим только след от предмета. Здесь могли стоять футляры с украшениями на продажу.

— Вы первый человек за сегодняшнее утро, который пытается меня разубедить в возможности получить деньги.

— Не привык считать чужие заранее.

Она посмотрела на меня внимательнее. Потом перевернула карточку «Приём посетителей» и провела рукой вдоль нижней кромки. Соседняя девчонка, выбирающая кулон для матери, позвала её к витрине. Алёна мгновенно вернулась к обычной работе: спросила про размер цепочки, помогла сравнить два камня, объяснила, почему крупное украшение может мешать под шарфом. Никаких мрачных таинств. Нормальный день, нормальные покупатели.

Пока она обслуживала девушку, я стоял у окна. Через стекло хорошо просматривалась площадь. У кафе Николай Громов катил тележку с бумажными пакетами. Он увидел меня, махнул рукой, едва не врезался в человека с детской коляской и немедленно принял вид образцового работника.

Алёна вернулась, отдала покупательнице чек и закрыла кассовый ящик.

— Теперь договоримся. Если вы нашли спрятанное, это ещё не значит, что можете вынести. Я купила прилавок. Вы получите долю только из тех обычных вещей, на которые у меня действительно есть право. Если объявится прежний владелец с убедительными основаниями или там обнаружится чужая памятная вещь, остановимся и разберёмся без продажи. Вам подходит?

— Подходит. Размер доли обсудим после того, как поймём, что вообще нашли. А до этого ни один предмет не покидает павильон.

— И вы не станете брать деньги за пустую дыру в дереве?

— Могу взять кофе. Но это отдельно от находки.

— Кофе заработайте.

Она протянула мне руку. Я машинально выбрал здоровую. Рукопожатие получилось крепким и коротким. Ни записей в чужих ведомостях, ни торжественных клятв. Два взрослых человека договорились не обманывать друг друга прежде, чем открывать чужое дерево.

— Для осмотра надо убрать пару коробок из подсобки, — сказала Алёна. — Там хранится часть запасных подставок. Только осторожно: с утра кто-то опять всё перепутал.

— Поставщик?

— Если бы. Этот хотя бы уходит вместе со своими коробками.

За дверью находилась небольшая кладовая. Современные стеллажи, закрытые пакеты, коробки с пенопластовыми вкладышами, складной стул. Над полкой играла бодрая музыка из переносной колонки. Возле стены стояли несколько деревянных деталей от прежнего прилавка, оставленных хозяйкой на случай, если понадобится поменять основание. Сама витрина находилась за стеной — в торговом зале. Здесь мы могли сравнить старые части, не мешая покупателям.

Алёна включила свет. Я огляделся и сразу почувствовал неприятный знакомый холодок под кожей. Так бывало рядом с нечистью, когда она не торопилась показывать лицо. Под стеллажом шевельнулась тень размером с кошку. Я присмотрелся: обычный пакет с лентами. Но движение у стены было настоящим.

— Вы здесь мышей не держите? — спросил я.

— Если держу, они должны платить мне за торговое место.

Я присел возле старой доски. На её кромке сохранилась такая же тёмная полировка, как на основании прилавка, но никаких глубоких полостей на виду не было. Попросил у Алёны небольшую лампу. Она потянулась к полке, взяла фонарик, включила и выдохнула сквозь зубы.

— Опять!

На месте, где секунду назад лежала батарейка для маленькой настольной лампы, теперь обнаружилась декоративная бусина. Алёна перевернула коробочку с мелочами. Батарейка нашлась под мотком упаковочной тесьмы, хотя она, по её словам, положила её на верхнюю полку.

— Кто-то здесь хозяйничает, — сказала она. — Я два дня не могу найти ножницы.

— Может, помощник перекладывал?

— Помощник бывает по вечерам. А утром здесь была только я.

С правой стороны раздался сухой стук. Я повернул голову. На противоположном стеллаже покачивалась коробка с пустыми бархатными мешочками. Стук повторился, уже тише. Моя первая мысль была вполне земной: кто-то из работников лазает в кладовую через соседнее помещение и развлекается за наш счёт.

— У вас здесь есть другой вход?

— Один. Вы через него прошли.

Проверил взглядом дверь, стены, потолок. Действительно один вход. Ни щелей для эффектного побега, ни человека между коробками. Алёна смотрела на меня с раздражением; ей явно не нравилось, что я предполагаю тайных гостей в её павильоне.

— Давайте без шуток, — сказала она. — Мы зачем пришли?

— За деревянной деталью. Вот этой.

Я осторожно вытащил широкую планку, оставленную возле стены. Из-под неё выскользнула пуговица и закатилась под нижний стеллаж. Алёна выругалась снова. Следом за пуговицей из полки упала маленькая катушка, хотя до неё никто не дотрагивался.

Теперь я разглядел между ножками стеллажа узкую морщинистую мордочку. Нос острый, волосы спутаны, на крошечном плече — обрывок ленты. Существо присело и уставилось на меня бусинками глаз, в которых отражалась лампа. По размерам оно напоминало неудачно вылепленную куклу. По выражению — соседку, у которой уже третий раз подряд оставили мусор перед дверью.

Кикимора.

— Кто там? — спросила Алёна, заметив, что я замер.

— Похоже, настоящая хозяйка кладовки.

— Я за это помещение плачу каждый месяц.

— Она, боюсь, другого мнения.

Алёна шагнула ко мне, но кикимора юркнула под полку. Две металлические застёжки звякнули рядом с входом. Я обернулся на звук — и увидел, что застёжки лежат возле той же нижней полки. В просторном торговом зале это сочли бы неудачным совпадением. Здесь, в тесной комнате, становилось понятно: существу нравится путать слух и мелочи.

— Это ваши фокусы? — Алёна подозрительно сощурилась.

— Для фокусов я бы выбрал помещение просторнее.

Она протянула руку к тесьме, чтобы освободить край старой планки. Тесьма дёрнулась, и свободная петля обвилась вокруг коробочки с украшениями. Алёна пошатнулась, пытаясь удержать всё сразу. Я успел подставить ладонь под коробку, прежде чем она ударилась о пол. Пальцы отозвались болью. Коробка осталась цела.

— Ну уж нет, — сказала хозяйка. — Я не собираюсь терпеть эту пакость.

Она двинулась к стеллажу, явно намереваясь вымести загадочного вредителя хоть вместе с упаковкой. Кикимора высунула нос и бесшумно оскалилась. Вокруг её убежища зашуршали ленты.

— Стойте, — сказал я. — Она к вашему товару относится примерно так же, как вы к своему прилавку.

— Кто — она?

— Маленькая злая родственница беспорядка. Давайте без рукоприкладства.

— Это вы мне после вчерашней драки говорите?

— Сегодня у меня выходной от драки.

В дверях появился Николай с картонным стаканом и круассаном в бумажном пакете.

— Алёна, я занёс вам… — начал он и замолчал, увидев нас у стеллажа. — У вас что, снова перестановка?

— Изменился ассортимент, — ответил я. — Теперь есть что-то, что покупателям лучше не показывать.

— Тогда берите кофе. Это единственный товар, который я могу предложить без скандала.

Он оставил пакет на стойке снаружи, услышал зов покупательницы и ушёл помогать у соседнего павильона. Кикимора даже не выглянула за ним. Я отметил границу: её раздражение оставалось здесь, среди полок, и за дверью ничего не происходило.

Алёна поставила спасённую коробку на место и тяжело вздохнула.

— Понимаете, я иногда с утра прихожу и вижу все булавки в другом стакане. Думаю: сама устала. А ещё музыку слышу с той стороны, где колонка не стоит. Только слов никто не говорит. Я даже хотела попросить помощника не трогать вещи.

— Он, возможно, и не трогал. Покажите, откуда обычно начинается путаница.

Она указала на нижний дальний угол. Там, за стеллажом, виднелись обрезки бархатной ткани, три разноцветные пуговицы, сломанная заколка и маленькое зеркальце без ручки. Вещи были собраны аккуратнее, чем остальной товар. Получалось что-то вроде личного ящика, только без стенок.

Я присел. Кикимора выглянула из-за зеркальца. В упавшем на неё свете она была смешной и страшноватой одновременно. Маленькие пальцы мяли чёрную нитку, щёки подрагивали.

— Это твоё? — спросил я, указывая на кучку.

Она молчала.

— Мы не собираемся забирать твои булавки. Нам нужно посмотреть деревяшку, которая стояла у старой витрины.

Кикимора высунула язык. Откуда-то послышалось жалобное звяканье. Алёна повернулась к двери, но я смотрел на существо. В его лапке мелькнула небольшая застёжка. Туда, куда смотрит глаз, возвращаться было надёжнее, чем следовать за каждым шорохом.

— Вы с ней разговариваете, — тихо сказала Алёна.

— Пока только я. Для полноценного знакомства лучше отключить музыку.

Колонка играла задорную песню с громкими ударными. Я нажал кнопку. В комнате стало слышно обычное дыхание Алёны и далёкие голоса покупателей. Сразу исчезло ощущение, будто кто-то хлопает коробками со всех сторон. Кикимора недовольно засопела. Я продолжил, не повышая голоса:

— Ты тут живёшь. Понял. Мы твоё место не трогаем. Только сравним эти две доски и уйдём. Никто не потащит отсюда зеркальце.

Тонкий голос раздался прямо из-за нижней полки:

— А потом побежите за другими. Все сначала обещают.

Алёна ухватилась за край стула. Я кивнул ей: стоило дать существу выговориться.

— Я не знаю, кто тебя обижал раньше, — ответил я. — Сейчас здесь Алёна. Она тоже не любит, когда трогают её вещи.

— Ленту забрала! — пискнула кикимора.

Алёна посмотрела на полку с подарочной упаковкой.

— Какую ещё ленту?

— Синюю, — сказал я. — Наверное.

— Я вчера выбросила старый моток. Он был весь в пыли. Значит, это из-за него мне устроили праздник?

Кикимора тихо зашипела. Я увидел, как она перебирает оборванный конец синей нити. Картина стала яснее. Для Алёны мусор; для хозяйки кладовки — имущество. Переговоры обычно начинаются именно с таких разногласий.

— У вас осталась похожая? — спросил я.

Алёна достала из прозрачного пакета новый моток синей ленты. Отрезала небольшой кусок и положила на чистую картонку у края нижней полки.

— Если это решит вопрос, мне не жалко. Но она больше не трогает мои коробки.

— Слышала? — спросил я.

Кикимора выбралась наполовину, схватила ленту и мгновенно скрылась в своём углу. Она утащила подарок за полку, оставив на полу застёжку, которую до этого сжимала. Я поднял её и положил на видное место.

— Похоже, договорились, — сказал я.

— На сколько?

— До первого семейного разногласия из-за ленточки.

— У меня с родственниками сделки надёжнее, — буркнула Алёна. — Идёмте уже к прилавку.

Мы забрали одну старую планку, посмотрели на её торец и вышли в торговый зал. За порогом кладовки воздух был обычным. Никаких шевелящихся лент, исчезающих батареек или чужого шёпота. Я оставил дверь прикрытой. Кикимора в своём углу получила ленту, а мы — возможность работать без постоянных отвлечений.

Алёна осмотрела витрину: к обеду у неё набралась очередь из покупателей. Она попросила вернуться ближе к вечеру, когда поток схлынет. Я оставил планку у неё, забрал футляр и поехал в мастерскую. До конца смены успел принять две машины и выслушать от постоянного клиента рассуждение о том, как улучшился мир после изобретения ароматизаторов для салона. В конце разговора он забыл у нас собственные ключи. Пришлось догонять его на улице. Удивительно, как редко людям требуется нежить, чтобы усложнить обычный день.

К вечеру я вернулся на рынок. Посетителей было достаточно, но основная толпа ещё только собиралась. Николай сидел на высоком табурете у входа и пытался убедить покупателя, что сувенирный деревянный волк не обязан выть. Алёна услышала разговор и поморщилась.

— Он когда-нибудь продаст вещь без истории?

— Если вещь сама попросит его молчать.

Мы поставили планку рядом с основанием витрины. Теперь стало видно, что древесина одного оттенка, хотя новую часть несколько раз покрывали лаком. Футляр я снова приложил к светлому месту, сохраняя расстояние между металлом и деревом. Там, где серебро выступало у замка, кромка основания была чуть сильнее стёрта.

— Кто-то постоянно снимал его отсюда, — сказал я. — Смотрите: снизу гладко, а на боковой части есть короткий след. Значит, футляр опирался и сдвигался в одну сторону.

— Вы знаете это потому, что автомобили ремонтируете?

— Потому что люди изнашивают вещи там, где их трогают. Машины, дверные ручки, ящики. Привычки оставляют следы.

Алёна провела пальцем по дереву. Потом посмотрела на внутреннюю сторону прилавка.

— Странно. Я эти ящики не использую. Они низкие. Там даже футляры с браслетами плохо помещаются.

Я присел на корточки и открыл один из ящиков с её разрешения. Пустой. Во втором лежали рекламные подставки и пара мешочков. А вот пространство под третьим выглядело непривычно коротким. Снаружи вся секция тянулась до края стойки; внутри упиралась в глухую стенку. Если бы я покупал такую вещь в мастерскую, сразу спросил бы, куда делось остальное место.

— А эта стенка зачем? — спросил я.

— Понятия не имею. Я думала, так сделали для прочности.

— Может быть. Только доска на обратной стороне заметно светлее остальных. Её поставили позднее.

Мы не устраивали археологическую экспедицию. Алёна убрала мешочки, я легко нажал на край, и он подался на толщину ногтя. За доской оставалось свободное пространство. Внутри пахло сухим деревом и старой тканью. Совсем не теми ароматами, которые мог бы изобрести мой любимый ночной рынок.

У входа громко хлопнула дверь. Мы оба подняли головы. В павильон вошли двое покупателей: женщина в светлой куртке и мужчина с дорогим шарфом. Они попросили показать серебряную брошь. Алёна задержалась взглядом на открытом ящике.

— Не трогайте без меня, — сказала она.

— Даже не собираюсь.

Пока она обслуживала гостей, я стоял рядом и наблюдал за прилавком. Минуты тянулись долго. Мужчина выбирал украшение так, словно собирался приобрести весь магазин и оставить в нём одну булавку. Я не мог понять, интересуется ли он действительно брошью или

смотрит на мои руки. Потом он расплатился, взял пакет и ушёл вместе со спутницей. Ничего подозрительного, кроме моей собственной мнительности.

Алёна вернулась, закрыла кассу и попросила меня повторить, что именно я увидел.

— За доской пустота. Там может быть дополнительный ящик. А может, человек просто закрыл ненужное место.

— Можно открыть?

— Если вы разрешаете и мы оба видим, что я делаю.

Она кивнула. Я на секунду подумал о футляре в кармане. Человек, который дал мне его после драки, пока даже не назвал своего имени. Разумнее было не вытаскивать чужое имущество без свидетеля, поэтому я положил серебро на стойку рядом с Алёной, не раскрывая замок.

— Держите. Сравним потом.

Алёна положила ладонь рядом с футляром, не касаясь его. Я осторожно сдвинул короткую внутреннюю доску. Она вышла достаточно легко, и за ней открылась узкая полость. В глубине лежал свёрток из выцветшей ткани. По краю виднелся холодный светлый отблеск.

— Что там? — прошептала Алёна.

— Пока не знаю. Но место уже явно делали не для прочности.

Снаружи снова заговорили громче обычного. Я услышал голос Николая, спорившего с мужчиной, который требовал позвать хозяйку. В павильоне было ещё несколько покупателей. Алёна подняла голову, потом посмотрела на свёрток. По её лицу стало понятно: желание немедленно заглянуть внутрь борется с пониманием, что сейчас это делать опасно.

— Закрывать? — спросила она.

— Временно прикроем. Вы сначала обслужите людей. Потом вдвоём достанем ткань и посмотрим, что вам досталось вместе с прилавком. При свидетелях, если захотите.

— Не уходите.

— Я и не собираюсь.

Она подтолкнула доску к краю, не запирая найденную полость. Я остался рядом, положив ладонь на стойку. Из торгового зала доносился обычный шум; за дверью кладовки кикимора, похоже, занималась новой синей лентой. Футляр лежал перед нами, замок цел. Свёрток оставался внутри, и владельца его ещё предстояло найти.

На пороге показался Николай, с досадой размахивающий пустым стаканом.

— Артём, тут человек уверяет, что ему обещали показать кое-что раньше остальных. И он почему-то очень спешит.

Алёна завернула футляр в мой платок и протянула мне через стойку. Следом она сдвинула к входу табличку «ЗАКРЫТО НА УЧЁТ», хотя торговля ещё продолжалась. Покупателям пришлось обойти её и заглянуть в соседний павильон. Чужой спешке она уступать не собиралась.

Глава 6. Серебро торговца

Мужчина в светлом шарфе вошёл в павильон, миновал очередь к кассе и остановился перед Алёной. Он уже видел меня возле прилавка и теперь явно рассчитывал получить серебро раньше покупателей. Алёна перевернула табличку с ценой цепочки лицом к нему и продолжила обслуживать женщину с ребёнком.

— Здесь обещали серебро, — объявил он.

Алёна вышла из-за стойки, убрала из прохода покупательницу с ребёнком и повернула табличку с часами работы лицом к гостю.

— Здесь продают то, что выставлено. Чужие обещания у нас не принимают.

Мужчина хотел перешагнуть к столу с находкой. Я сместился, перекрыв ему дорогу. В уголках витрины едва слышно зашуршало: наша знакомая кикимора, похоже, уже выбирала, чьим голосом объявить новому гостю скидку. Пока она только слушала. Этого было достаточно, чтобы посетитель на секунду потерял уверенность.

— Здесь продают то, что выставлено в витрине. Вы брошь купили? Купили. Остальное показываю по своему желанию.

— Мне сказали, есть старый комплект.

— Кто сказал?

Покупатель перевёл взгляд на меня. Я стоял у открытого нижнего ящика, прикрывая собой щель за сдвинутой доской. Из неё выглядывал угол выцветшей ткани. Даже очень богатый человек не сумел бы разглядеть содержимое с порога. Значит, кто-то успел сообщить ему о наших поисках. А может, он сам видел, как я открывал нишу, пока выбирал брошь.

— Мы разве знакомы? — спросил я.

— Мне не нужны знакомые. Мне нужен товар.

— Тогда обратитесь к хозяйке. Я сегодня работаю мебелью: стою на месте и раздражаю посетителей.

Николай, застывший у двери со стаканом, фыркнул. Мужчина даже не улыбнулся. Он сделал шаг внутрь, обошёл стойку с сувенирами и посмотрел поверх моего плеча.

— Отойдите. Я хочу проверить.

— Вот как, — сказала Алёна. — А я хочу, чтобы вы вышли.

Она произнесла это достаточно громко, и посетители у соседней витрины обернулись. Пара молодых людей, выбиравших подарок, отошла к выходу. Мужчина замер, оценил их взгляды и внезапно сбавил тон.

— Мне передали неверную информацию. Прошу прощения.

Он направился прочь, но на пороге задержался и коротко посмотрел в сторону торговой аллеи. Не на машину и не на телефон. Туда, где возле стойки с напитками темнела фигура в чёрной куртке. Я уловил только движение головы. Этого хватило, чтобы испортить мне настроение.

— Николай, — попросил я, — побудь у двери. Если опять придут за чем-нибудь особенным, не приглашай их в гости.

— У тебя тут что, закрытый клуб?

— Скорее кружок любителей не получать по голове.

Алёна выдохнула и повернулась ко мне.

— Вы уверены, что стоит продолжать?

Я посмотрел на свёрток в глубине полости. Находка лежала буквально рядом. Но полагаться на удачу после трёх встреч с чужими кулаками было бы странно.

— Достаём при вас, — сказал я. — Если снова кто-то сунется, закрывайте павильон и оставляйте всё себе. Я не стану хватать чужие ценности и убегать с ними.

— Очень утешительно. Особенно после вашего знакомства с этим рынком.

Алёна попросила продавщицу из соседнего отдела на несколько минут присмотреть за входом. Женщина пришла с чашкой чая, взглянула на наши лица и без вопросов уселась возле двери. Удивительная у местных торговцев профессия: даже возникновение тайника они воспринимали спокойнее, чем повышение аренды.

Я отодвинул короткую доску окончательно. В нише лежал плотный свёрток, перехваченный бечёвкой. Никаких петель для секретных дверей, знаков и таинственных пророчеств. Человек спрятал ценности там, где обычный покупатель никогда не стал бы искать. Я подхватил ткань обеими руками и переложил на освободившуюся часть стойки. Слева болезненно отозвалась ключица, ушибленная ещё во второй вечер, зато пальцы слушались.

— Тяжёлый, — заметила Алёна.

— Внутри явно не письма поклонников.

Она осторожно развязала старый узел. Ткань расползлась, открыв два тёмных мешочка и маленькую плоскую коробочку без крышки. В одном мешочке звякнул металл. Я ощутил знакомое предательское удовольствие кладоискателя: нашёл. Сам, без подсказки из старой книги и без колдовской указки. Пока не заработал ни рубля, но серебро, лежавшее перед нами, было настоящим.

— Открывать? — спросила Алёна.

— Это ваш прилавок. Вы и открывайте.

Она развязала первый мешочек над тёмной тканью. Посыпались старые серебряные монеты, разного размера, с потёртыми портретами и орлами. Несколько прокатились к краю, и я успел поймать крайнюю ладонью. Во втором лежали такие же монеты, потемневшие сильнее. В коробочке обнаружились украшения: широкая брошь с овальным камнем, браслет с тонким узором, пара тяжёлых серёг и узкая цепочка.

Алёна сперва уставилась на брошь. Потом перевела взгляд на серебряные монеты и села на табурет. Алёна открыла рот, но вместо замечания только придвинула к себе табурет.

— И давно такое бывает в вашей торговле? — спросил я.

— У меня? Никогда. Дайте посмотреть на браслет.

Она подняла украшение двумя пальцами. На внутренней стороне виднелась тёмная полоска, которую прежний владелец пытался очистить. Алёна провела по ней ногтем и нахмурилась.

— Я его видела, — тихо сказала она. — Мужчина, у которого покупала основание прилавка, держал этот браслет в руке. Сидел здесь, когда мы обсуждали покупку. Ещё ругался, что серебро теперь принимают за дешёвую бижутерию. Я спросила цену, он сказал, что вещь семейная, и убрал в карман.

— Имя помните?

— Зовут Дмитрий. Фамилию с ходу не вспомню. Он давно торговал украшениями, потом сменил помещение. Когда передавал мне дерево, уже нервничал. Спешил и твердил, что всё лишнее вывез. Получается, не всё.

— Браслет вы узнаёте. Остальное могло принадлежать другим людям.

— Мне теперь к нему идти? — спросила Алёна. — Сказать, что нашла его семейное серебро внутри своей мебели? Он ведь может объявить, что я украла всё, пока разбирала прилавок.

— Можете позвать его сюда. При мне. Мне тоже интересно, почему человек спрятал ценности, а затем продал место вместе с тайником.

— Может, забыл?

Я посмотрел на два мешочка. Случайно забывают сдачу в кармане осенней куртки. Тот, кто прячет столько серебра за укороченным ящиком, обычно помнит, где положил ключи от собственной машины. Тут могли быть страх, спешка или чужая воля. А могли оказаться совсем

другие владельцы. Пока я видел лишь вещи и женщину, которая честно признала пределы своей памяти.

— Я бы не ставил на забывчивость, — сказал я. — Но и заранее обвинять Дмитрия не станем.

— Вы умеете разговаривать так, чтобы человеку становилось ещё тревожнее.

— Профессиональное. В мастерской меня тоже спрашивают, надолго ли машина протянет.

— И что отвечаете?

— Сначала смотрю, что у неё внутри. С серебром поступим так же.

— А вы прямо сейчас собирались делить монеты?

— Сначала хотелось порадоваться. Потом вспомнил, что взрослые люди обычно платят за такие удовольствия.

Она положила браслет обратно. Её лицо стало серьёзным.

— Мы же договорились: пока не выясним, кто имеет право на вещи, ничего не продаём.

— Договорились. Если обычное серебро действительно ваше, моя доля остаётся в силе. Но прежде придётся найти Дмитрия и поговорить. Если он оставил это нарочно, история может оказаться неприятнее цены.

Алёна кивнула. Я снова завернул футляр в платок и убрал во внутренний карман. Замок по-прежнему был цел. В какой-то момент хотелось приложить футляр к открытому серебру, проверить, совпадает ли оно с чем-то ещё. Но у нас не появилось прав на вещь только оттого, что она лежала рядом с кладом.

Я поднял брошь и повернул к свету. На обороте был странный растительный рисунок: три узких листа отходили от одной ветки. Не знак тайного общества, насколько я мог судить. Обычная старая гравировка, которую мастеру однажды заказал конкретный человек. Камень в оправе играл глухим зелёным цветом.

— Тоже видели у Дмитрия? — спросил я.

— Нет. И точно не стану утверждать, будто знаю всех его родственников.

За стеклом прошёл человек с детским велосипедом. Девочка, державшаяся за его руку, остановилась перед игрушечной совой на соседнем стенде. В торговом зале играла музыка; пахло свежей выпечкой. На минуту показалось, что вечер обойдётся без драки. Я ошибся.

Продавщица у двери резко поднялась. Я услышал короткий вскрик Николая, скрип обуви по плитке, а следом — удар о стеклянную дверь. В павильон вошёл Роман Круглов.

На его скуле ещё виднелась полоска после первой встречи, но двигался он легко. Чёрная куртка сидела на широких плечах плотно. Он не смотрел на вывески и покупателей. Сразу нашёл глазами серебро у нас на стойке.

— А вот и оно, — сказал он.

Алёна вскочила, зацепив табурет ногой.

— Вы сюда зачем?

— За своим.

— Здесь нет вашего.

Роман усмехнулся и двинулся ближе. Теперь я вспомнил старика с разбитым виском, чёрную коробку, которую вурдалак унёс в первый вечер, и людей, пытавшихся догнать его. Если Роман называл этот клад своим, желающих поспорить у него хватало.

— Мы с вами уже встречались, — сказал я, вставая между ним и прилавком.

— Помню. Ты тогда вмешался.

— И сейчас, судя по всему, придётся.

Он метнулся вправо, прямо к витрине. Я перекрыл проход бедром, оттесняя его от стекла. У входа Николай удерживал створку, пропуская покупателей на улицу по одному. Один муж-

чина успел возмутиться закрытому проходу, но увидел чужой кулак у моего лица и сам отступил за дверь.

— Ты не понимаешь, сколько здесь моих денег, — процедил Роман.

— Я вижу серебро, которое люди ещё не разделили. Ваших денег на нём пока не написано.

Вурдалак рванулся вперёд. Первый удар я принял предплечьем, отступил на полшага и врезал ему локтем под челюсть. Он даже не качнулся как следует. Зато я успел толкнуть ближайший табурет под его ноги. Роман сбился с шага, наткнулся бедром на край стойки и обозлённо зарычал.

— Уйдите от прилавка! — крикнул я Алёне.

Она метнулась к заднему проходу, но тут же остановилась: на стойке оставалось её серебро. Роман увидел заминку раньше меня. Его ладонь захватила первый мешочек. Я вцепился в ткань и дёрнул к себе. Завязка лопнула; несколько монет звякнули о стекло, две упали на пол. Роман получил пустой конец мешка, а я удержал большую часть монет на стойке ладонью.

— Без покупок сегодня, — сказал я.

Он ответил ударом в грудь. Воздух вышибло сразу. Я отступил к узкому проходу между витринами, стараясь не опрокинуть товары. Роман на мгновение замер, будто взвешивал, сколько времени потратит на меня. Потом резко повернул голову к левой стене.

От высокого шкафа с сувенирами на пол ложилась плотная тень. Чуть дальше, возле дверного проёма, другая тень лежала под боковой стойкой. Между ними оставалось метра четыре. Я видел обе, и Роман тоже. Ненавистный мне способ сокращать расстояние не требовал от него долгого разбега.

— Свет! — крикнул я.

Алёна дотянулась до настенной лампы над витриной. Её луч резанул первую тень, но Роман уже ступил туда. В следующий миг он оказался возле прохода. На глазах покупателей это выглядело как нелепо быстрый рывок. Для меня — как знакомая ошибка: поздно заметил, куда он смотрит.

Он схватил второй мешочек целиком. Я бросился к нему, ухватил за куртку и чуть не сорвал ворот. Роман ударил меня затылком в лицо. Искры в глазах были самые обычные, человеческие. Я отпустил ткань куртки, потому что в эту секунду за его спиной закричала Алёна.

Она попыталась обогнуть стойку, чтобы остановить вора, поскользнулась на россыпи монет и врезалась плечом в высокую витрину. Стекло опасно дрогнуло. Ещё мгновение — и вся эта сияющая красота упала бы на неё.

Я видел Романа у двери с полным мешочком в руке. Видел и Алёну, пытавшуюся ухватиться за край витрины. Выбор занял меньше секунды.

Я шагнул к хозяйке, подхватил её за плечи и выдернул из-под падающего стекла. Витрина накренилась. Я успел упереться ладонью в боковую стенку, обжёг ссадины на костяшках, а Николай, прибежавший снаружи, схватил её с другой стороны. Вдвоём мы удержали тяжёлую конструкцию. С полки посыпались футляры с недорогими подвесками. Один ударился о пол и раскрылся, выпустив на плитку блестящую цепочку.

— Не трогайте! — заорала Алёна.

Я подумал, что она говорит о дорогом серебре, но она смотрела на покупателей, отступавших от падающей витрины. Никто не пострадал. Роман тем временем выскочил в торговый проход.

— Николай, держи! — сказал я.

Он перехватил край витрины. Я рванул за Кругловым. За стеклянной дверью шумела вечерняя площадка рынка. Люди отскакивали с дороги, кто-то возмущённо выкрикивал слова,

непригодные для рекламы семейного досуга. Роман бежал к стойке с напитками, не скрывая мешочка под курткой.

Впереди две тени лежали рядом: первая — за высокой стойкой с кофемашиной, вторая — под краем навеса торговой линии. Между ними было несколько шагов. За навесом начиналась залитая светом аллея. Я понял, куда он направляется, и ускорился.

У поворота на площадь стоял Фёдор Ершов. Перед ним на небольшом столе были выставлены стеклянные шкатулки и несколько дорогих статуэток: он показывал товар покупателю, который держал в руке маленький фонарик. Роман налетел на край стола плечом. Покупатель отпрянул, одна шкатулка скользнула к земле.

Фёдор поймал её прежде, чем она разбилась, и резко переставил стол поперёк прохода. Мне пришлось затормозить, чтобы не снести оставшиеся вещи. В ту же секунду Роман вошёл в тень кофейной стойки и вынырнул из тени навеса. Прыжок короткий, не дальше нескольких метров. Но теперь между нами были люди, стол и освещённая полоса плитки.

— Убери стол! — рявкнул я.

— И разбей мне шкатулки? — огрызнулся Ершов. — У меня здесь покупатель!

— Вор ушёл!

— А ты собирался догонять его по моему товару? Очень благородная погоня!

Он говорил зло, прижимая спасённую шкатулку к груди. Я увидел, как Роман пересекает площадь уже бегом. При ярком освещении никакой короткой тени, годной для прыжка, у него впереди не было. Он просто оказался достаточно далеко, чтобы смешаться с людьми у остановки.

Я сделал ещё несколько шагов, но остановился. Вчерашняя ошибка уже стоила мне табакерки. Сегодня я едва не позволил убить женщину ради серебра, которое даже не принадлежало мне. Упускать Круглова было мерзко. Однако возвращаться с пустыми руками в павильон, где Алёна лежала бы под стеклом, оказалось бы гораздо хуже.

Фёдор посмотрел на моё лицо и перестал ругаться.

— Кто это был?

— Роман. Взял мешочек монет из находки.

— Снова этот придурок. Он мне сейчас чуть весь стол не разнёс.

— Я заметил. Ты спас самого ценного участника драки.

— Стекло я покупаю за свои деньги, — сухо сказал он. — Ты в порядке?

Я провёл тыльной стороной ладони под носом. Крови почти не было. Резко болели плечо и костяшки; всё остальное пока держалось. Отвечать подробным перечнем повреждений не хотелось.

— Вернёмся, — сказал я. — Алёна осталась с товаром.

Фёдор передал стол продавцу из соседнего павильона, с которым явно был знаком, и пошёл рядом. Покупатель со своим фонариком смотрел нам вслед, будто его только что обманули с самым дорогим зрелищем вечера.

Внутри Алёна уже стояла возле стойки, бледная и очень сердитая. Николай с помощью соседки убрал упавшие футляры. Стекло осталось цело. Девушка, выбирающая подарок, вернулась и неожиданно предложила купить цепочку, упавшую на пол, если на ней не появилось царапин. Алёна велела ей подождать и посмотрела на меня.

— Ушёл?

— С одним мешочком. Второй и украшения остались.

— Вы ведь могли его догнать.

— Мог попробовать. Тогда вам бы понадобился новый прилавок. И, возможно, новая ключица.

Она посмотрела на витрину, потом на свои руки. Одна заметно дрожала. От прежней деловой уверенности осталась упрямая прямота.

— Спасибо, — сказала она наконец. — Но я злюсь всё равно.

— На это у вас полное право.

Николай подал ей стакан воды. Потом нагнулся, поднял монету из-под ножки стула и положил на стойку. Ни слова о великих тайнах, будто вся наша компания занималась рассыпавшимися пуговицами.

— Я на минуту отвернулся, а вы тут цены на серебро решили поднять погоней, — проворчал он.

— Если бы ты работал у меня постоянно, — сказала Алёна, — я бы доплачивала за каждую тихую смену.

— Тогда я останусь у себя. Там покупатели максимум пытаются сторговать сову без клюва.

Фёдор оглядел сохранившиеся предметы и сразу отстранился от монет. В его взгляде не было привычной жадности антиквара. Скорее злость человека, у которого снова испортили вечер чужой беспечностью.

— Сейчас никто ничего не оценивает, — сказал он. — Серебро остаётся у хозяйки. Завтра в моей лавке при нормальном свете посмотрим сохранность и примерную стоимость того, что можно продавать. Потом поговорим, кому это вообще принадлежит.

— А украденное? — спросила Алёна.

— Не появится от того, что мы на него назначим цену, — ответил я. — С тем мешочком ушёл Роман. Я видел. Фёдор тоже.

Ершов кивнул. Николай показал на несколько монет, оставшихся возле ящика. Я собрал их в платок и передал Алёне. Она завернула туда же уцелевший первый мешочек, потом отдельно положила украшения. Брошь с зелёным камнем осталась сверху; её веточка с тремя листьями сразу притягивала взгляд. В отличие от потемневших монет рисунок сохранился отчётливо.

— Не надо сейчас гадать, — сказал Фёдор, заметив мой взгляд. — Иначе завтра вы приведёте ко мне ещё троих людей, уверенных, что этот знак принадлежал их бабушкам.

Алёна коротко усмехнулась. Она убрала вещи из общего доступа, при нас закрыла витрину и оставила место возле прилавка свободным. Все присутствующие видели, что осталось после драки. Никто ничего не забирал с собой.

— Про долю помните? — спросила она меня.

— Конечно. Только считать её пока не из чего. Мы ещё не выяснили права на серебро, и часть унесли.

— Условия не меняю. Вы нашли. Я подтверждаю. Когда разберёмся с владельцем и продажей обычной части, рассчитаюсь честно.

— Тогда завтра у Ершова. Без толпы знакомых, пожалуйста.

— Можете не беспокоиться. Сегодня я получила впечатлений больше, чем рассчитывала на месяц.

Николай проводил нас к выходу. Возле стойки с сувенирами стояла та самая женщина с чашкой чая, которую Алёна позвала присмотреть за дверью. Она посмотрела на разбросанные у входа коробки и спросила, не нужно ли помочь закрыться пораньше. Алёна отказалась: к вечеру у неё были покупатели, которые заранее договорились о подарках. Николай предложил остаться до конца торговли, но его уже ждали в соседнем павильоне.

— Заходи завтра, — сказал он мне вполголоса. — Только без этого здоровяка. Люди теперь шарахаются от любого мужчины в чёрной куртке.

— Ему передашь, если появится?

— Я знаю, как он выглядит. Но носом в нож не полезу, ты уж извини.

— И правильно. Сообщи, если увидишь, на этом всё.

Он кивнул. Понравилось, что на этот раз ему не пришлось объяснять: обычный торговец не обязан подставляться под чужую драку ради моей гордости. Николай упрямо возвращался к работе даже после неприятных встреч, и этим нравился мне куда больше тех, кто обещал бесстрашно погибнуть за любое чужое серебро.

Рядом с кафе снова смеялись люди; бариста рисовал сердечко на пенке, мужчина возле стойки выбирал торт для дочери. Никто не знал, что в нескольких шагах отсюда вурдалак пытался вынести чужое серебро. И, пожалуй, большинству так было спокойнее.

Я задержался у двери и оглянулся. Алёна уже объясняла покупательнице, почему слегка погнутую оправу цепочки лучше заменить до продажи. Торговля продолжалась. Даже этот вечер не сумел выбить её из привычного ритма.

— Завтра после шести, — сказал Фёдор. — Платону сообщу. С обычными покупателями он договаривается быстрее меня. И пусть хозяйка сама принесёт то, что решит показать. Я не стану выносить её товар из павильона за неё.

— Ладно. Я приеду после смены.

— А если снова приведёшь Романа, — добавил Ершов, — буду брать плату за представление. С каждого участника отдельно.

Фёдор ушёл, поглядывая на пустое место в витрине. Я задержался рядом с Алёной. Она убирала уцелевшие украшения под стекло и при продавщице пересчитывала их. Первый клад нашли, часть серебра осталась здесь. Круглов унёс остальное и теперь знал, что мы его узнали.

До завтрашней оценки я собирался держаться подальше от новых покупателей с чужими кулаками. Похоже, у рынка имелось другое расписание.

Глава 7. Деньги любят счёт

Будильник прозвенел, когда Семён уже стучал ложкой по кастрюле. На столе лежала газета с фотографией аукциона; поверх домовой разложил девять пуговиц, подобранных по размеру. По его словам, пуговицы заменяли серебро: с ними я хотя бы научусь считать без драки. Я сел напротив и обнаружил, что даже у пуговиц оказалась своя расстановка по цене, которую назначил один-единственный хозяин кухни.

Семён сгрёб пуговицы в жестяную банку, поставил на стол кружку и придвинул подсохший хлеб. Вчера я вернулся поздно и забыл закрыть пакет; домовой сообщил об этом с торжеством человека, который наконец нашёл проступок без участия нечисти.

— И серебро домой больше не приводи, — добавил он. — От него люди с кулаками заводятся.

— Это люди от собственного характера заводятся.

— Тогда характер с собой оставляй, а людей на лестнице.

В автосервисе день оказался вполне человеческим: две машины с обычными неисправностями, один клиент с необыкновенными представлениями о своей правоте и мастер, который помнил, сколько времени я вчера отпросил на чужой прилавок. Я отработал положенное, а к вечеру плечо после драки напомнило о себе, когда пришлось тянуться за инструментом. Сосед по посту заметил, что я слишком бережно двигаюсь.

— С девушкой поссорился?

— С покупателем. Девушка умнее.

Он пожелал мне выбирать занятия спокойнее. На соседнем посту остановился клиент на новом кроссовере. Пока я принимал его машину, он разговаривал по телефону с женой и обещал обязательно заехать за цветами. Выслушал ответ, спохватился и попросил меня подсказать, где цветы лучше покупать. Я назвал магазин возле нашей мастерской. Он посмотрел на часы, обнаружил, что уже опаздывает, и неожиданно поблагодарил с таким облегчением, словно я вытащил его из горящей машины. Через несколько минут уехал, оставив в воздухе запах дорогого одеколона.

Смешно было наблюдать, какие неприятности нормальные люди считают чрезвычайными. Мне бы сейчас выбрать между розами и хризантемами. Я даже готов был выслушать часовой спор о длине стеблей. Вместо этого в голове постоянно возникал полный мешочек серебра, который Роман утащил через рынок, и лицо Алёны под падающей витриной.

Я не стал объяснять, что сегодня собираюсь всего лишь посмотреть на монеты. Прежде я уже несколько раз доверял этому слову «всего лишь» и всякий раз оставался недоволен результатом.

В «Вторую полку» я приехал после шести. Лавка Фёдора располагалась в действующем торговом ряду: чистые окна, подсвеченная вывеска, люди с пакетами за стеклом. Внутри пахло старым деревом, крепким кофе и тем особенным средством, которым хозяин натирал дорогие вещи, когда надеялся продать их подороже.

Алёна сидела за большим столом, зажав между коленями сумку. Утром она ещё звонила мне и сообщила, что бывший владелец прилавка Дмитрий нашёлся. Теперь на столе лежали два её свёртка: отдельно монеты, отдельно украшения. Замка на серебряном футляре я по-прежнему не трогал; сам футляр оставался во внутреннем кармане моей куртки.

— Сегодня никто не бежит? — спросила Алёна вместо приветствия.

— Пока все стоят. Не сглазьте.

Фёдор вышел из-за стойки с увеличительным стеклом. За ним появился Платон, аккуратный мужчина с таким терпеливым лицом, какое бывает у людей, умеющих торговаться до

закрытия магазина. Платон поздоровался со мной, потом кивнул Алёне и сразу посмотрел на свёртки.

— Я покупаю обычные вещи, — предупредил он. — Чужие семейные истории мне в придачу не нужны.

— Сегодня это особенно предусмотрительно, — сказал Фёдор. — Открывай первый.

Алёна развернула платок. Серебряные монеты звякнули о мягкую подкладку. Я узнал одну с неровным краем: вчера она укатилась под ножку стула, и Николай доставал её оттуда двумя пальцами. От такой подробности находка становилась реальнее любых красивых обещаний.

Фёдор взял две монеты, проверил ребро и отложил. Платон посмотрел на потёртый рисунок; Алёна оставила рядом браслет, брошь и цепочку, которые продавать не собиралась.

— Это покупаю, — сказал Платон, показав на сохранённые монеты. — Остальное оставьте хозяйке.

— А мешочек Круглова? — спросила Алёна.

— Нет мешочка — нет продажи, — отрезал Фёдор.

На этом оценка могла бы закончиться. Однако в дверь ввалился мужчина с громадной картонной рыбой под мышкой. Он требовал, чтобы Ершов немедленно подтвердил подлинность «старинного речного трофея». В рыбьем хвосте была воткнута батарейка, и при каждом движении трофей хрипло пел. Платон схватился за уши. Фёдор отвёл посетителя к стеклу и показал ему крошечную надпись на пластике.

— Ваш древний сом изготовлен в прошлом месяце. И умоляет избавить его от батарейки.

— Вы уверены? — спросил мужчина, потрясённый куда сильнее, чем после моего рассказа о покойниках.

— Уверен, — ответил Фёдор. — А если он споёт ещё раз, я куплю его исключительно ради права молчания.

Рыба умолкла. Пока посетитель доставал батарейку, Алёна указала Платону на монеты. Тот назвал итоговую цену. Согласие хозяйки заняло один кивок; я запомнил, какие вещи остаются у неё, и не собирался продавать пропавший мешочек второй раз.

Алёна всё-таки набрала Дмитрия. Он ответил со второго раза и спросил, отыскали ли в основании прилавка что-нибудь ещё. Она коротко сказала о сохранённых монетах, пропавшем мешочке и украшениях, которые оставила себе.

— Монеты мои, — сказал Дмитрий. — Я покупал их несколькими партиями для перепродажи. У меня даже привычка была прятать наличные и серебро от посторонних. Когда уходил из павильона, оставил всё в старой вставке. Не успел забрать, потом решил, что от неприятностей подальше будет лучше. Вы нашли — пользуйтесь. Алёне отдаю оставшиеся монеты, она за деревянную часть уже заплатила. Я сам говорю, добровольно. Артёму заплатите, если он помог. Украшения, пожалуйста, пока не продавайте.

— Почему? — спросил я.

— Браслет мой. Остальное мне передали на хранение. И чужое там есть. Не хочу, чтобы вы оказались с чужими претензиями вместо денег.

— Вы можете назвать владельцев? — спросила Алёна.

— С браслетом разберёмся, когда приеду. По остальному поговорим лично. По телефону такие истории не рассказываю.

Связь оборвалась после короткого прощания. Фёдор отложил одну монету, прежде чем сказать:

— Он подтвердил передачу монет. Хорошо. С украшениями, как договорились, никаких продаж.

Алёна немного помолчала. В голосе Дмитрия она явно услышала то же, что и я: человек хотел избавиться от монет, но старался удержать остальное. Почему — пока неизвестно. Я не

собирался превращать оценку в поиски чужих секретов. Если Дмитрий захочет объяснить, мы ещё встретимся.

Платон назвал цену за сохранённые монеты. Алёна покачала головой и показала самую потёртую.

— Эту оставлю. Остальные продаю.

— Согласен, — ответил он и придвинул к себе только выбранную партию.

Фёдор довольно усмехнулся. Он любил моменты, когда разумное решение удавалось принять раньше, чем спор превращался в семейную вражду. Платон открыл бумажник, а Алёна придержала край платка, чтобы не захватить вместе с монетами украшения из своей сумки.

В этот момент коробка с механическим сомом снова тихо загудела: владелец не до конца вынул батарейку. Все трое обернулись. Я почувствовал, что редкий антиквариат при сравнении с игрушкой впервые за вечер показался мне существом благородным. Фёдор подошёл к двери и вернул коробку за порог, после чего сказал:

— Продолжайте. Пока рыба молчит, у нас есть шанс закончить до ночи.

Алёна и Платон ударили по рукам. Проданные монеты перешли покупателю, остальные остались у хозяйки. Деньги за первую продажу появились на столе, и только после этого начался расчёт со мной.

Алёна пожала плечами. Ей этот вариант нравился ещё больше моего. После этого спор закончился быстро. Алёна принимала решение сама. Она оставила несколько вещей в своей сумке, а за остальную согласованную партию получила от Платона настоящие деньги. Я видел, как он отсчитывает купюры, и не сомневался, что сделка состоялась.

Когда они закончили, Алёна отделила мою долю. Мы заранее условились: я получаю вознаграждение из обычного имущества, которое она вправе продать, после реальной продажи. Теперь у неё были деньги за сохранённые монеты, разрешение Дмитрия и возможность рассчитаться.

— Держите, — сказала она, придвигая ко мне ровную стопку. — Пересчитайте. Я вчера обещала.

Я пересчитал. Всё сошлось. Купюры пахли бумагой и чужими руками; ничего сверхъестественного. И всё-таки я почувствовал удовольствие. Первый найденный клад наконец принёс мне настоящую оплату. Правда, цена этой радости уже включала пропавшую табакерку, несколько часов, которые пришлось переставлять в рабочем графике, и плечо, на которое сегодня я старался не опираться.

— Могли бы сказать, что вам мало. — Алёна усмехнулась.

— Мог бы. Тогда вы напомнили бы про вчерашнюю витрину.

— Про витрину я вам ещё долго буду напоминать. Деньги честные. Берите.

Я убрал свою долю во внутренний карман, отдельно от футляра. Их соседство казалось опасным: один предмет уже столько раз пытались отнять, а другой состоял из очень удобных для потери бумажек. Фёдор убрал увеличительное стекло.

— Итак, с первой частью покончили, — сказал он. — Теперь покажите украшения, чтобы мы понимали, что именно собираемся беречь от желающих купить всё подряд.

Алёна раскрыла второй свёрток. На тёмной ткани лежали браслет, пара серёг, цепочка и брошь с зелёным камнем. Я сразу узнал три листа, отходившие от одной ветки. Фёдор взял брошь, перевернул, посмотрел на застёжку. Платон отодвинулся.

— Это я не беру, — сказал он. — Мне уже достаточно сегодняшних споров.

— Тебя пока никто и не просил, — отозвался Ершов.

Я заметил, что Алёна смотрит на брошь дольше остальных. Браслет Дмитрий назвал своим, но брошь будто тревожила её сильнее. Она протянула палец к зелёному камню и остановилась, словно боялась прикоснуться.

В дверь постучали, и все одновременно подняли головы. Я успел пожалеть о том, что за последнее время привык воспринимать обычный стук как предупреждение. На пороге стоял Николай Громов с двумя бумажными пакетами и стаканами горячего напитка.

— Вы сегодня кого-нибудь собираетесь избивать? — спросил он. — Я сначала проверю, потом войду.

— Заходи, — ответил Фёдор. — Сегодня у нас цивилизованная торговля.

— Отлично. Тогда булочки ещё не остыли.

Николай принёс еду из кафе рядом с торговой площадью. Выяснилось, что хозяин кафе снова поднял цены, и Громов устроил там целую сцену из-за лишней платы за бумажный пакет. В конце концов купил всё равно: рядом, по его словам, за ту же сумму предлагали салат, которым даже голубь бы оскорбился.

Алёна засмеялась впервые с начала встречи. Фёдор ворчал, что крошки попадут на серебро, но взял булочку раньше остальных. Николай устроился у окна и смотрел, как мимо идут люди с покупками. На улице зажигались вывески, подростки спорили о кино, кто-то уговаривал ребёнка перестать просить мороженое.

— Вчера я держал вашу витрину, — сообщил Николай, когда мы поели. — Сегодня принёс ужин. Завтра, надеюсь, мне не предложат собирать зубы кого-нибудь из продавцов.

— У тебя хорошая память, — заметил я.

— Работа такая. Я людей запоминаю. После двух ваших вечеров особенно тех, кто быстро бегает и не платит.

Он посмотрел на моё плечо, затем на Фёдора и добавил уже тише:

— Я буду приходить, если сам захочу. Но постоянным свидетелем ваших приключений не нанимаюсь. Мне ещё свои товары продавать.

Я кивнул. Рядом с нами сидел человек, который помог вчера удержать витрину, а сегодня просто хотел поесть и вернуться к своему делу. У него не было перстня, вампирских знакомых и привычки искать чужое добро. Мне нравилось, что он умеет вовремя провести черту.

Перед уходом Николай всё-таки вспомнил, зачем сперва хотел заглянуть к Алёне. Утром возле её павильона появился мужчина в светлом шарфе, тот самый, который вчера требовал показать невыставленное серебро. Он больше не ругался и ничего не требовал. Купил у соседей кофе, постоял, наблюдая за посетителями, а потом ушёл к центральному входу.

— Ты его знаешь? — спросил я.

— У нас тут половина покупателей друг друга узнаёт по пакетам. Этого раньше не видел. Сейчас не хочу узнавать ближе.

— Если вернётся, не разговаривай с ним про наши находки.

— Артём, — сказал Николай, подняв стакан, — я вообще собирался рассказывать людям только о том, где у нас вкусные булочки. Серебро давно стало вашей темой. Вернёшься к нормальным покупкам — поговорим.

Он вышел в общий проход и сразу остановился, чтобы помочь женщине с коляской придержать дверь. Через минуту его уже не было видно за потоком людей. Я подумал, что он, вероятно, первым заметит очередную опасность и именно поэтому постарается уйти раньше остальных.

Фёдор вытер стол салфеткой и накрыл украшения тканью. Покупательница показала на простой браслет, и Алёна сказала: «Сегодня скидка на браслеты». Из-под прилавка её собственным голосом прозвучало эхо той же фразы:

— Сегодня скидка на браслеты!

— Я этого не говорила! — возмутилась хозяйка.

Пожилая покупательница, разглядывавшая недорогие серьги, немедленно потянулась к свёртку. Фёдор прижал ткань ладонью. Покупательница решила, что антиквар скрывает лучший товар, и потребовала назвать цену вслух. Из-под прилавка захихикали. Я узнал кикимору:

после прошлой встречи она по-прежнему не желала мириться с ровно расставленными ценниками.

— Дешевле сегодня только советы, — предупредил Фёдор. — И те обычно плохие.

Кикимора дёрнула бумажную карточку, и на стол шлёпнулся ценник с чужого браслета. Покупательница тут же объявила, что берёт брошь по указанной сумме. Алёна не стала спорить на словах. Она развернула ткань, сняла с украшения чужой ценник и подняла зелёный камень к свету так высоко, чтобы его увидели все.

— Эта брошь не продаётся. У неё пока не установлен владелец. А ценники мне переставляют без спроса, — отчётливо сказала она.

В дверях остановилась рыжеволосая женщина в короткой светлой куртке. Ещё секунду назад она шла мимо, но теперь не сводила глаз с зелёной искры в камне.

— Покажи, — сказала женщина.

Фёдор удержал украшение, Алёна не стала убирать свёрток, а кикимора обиженно стукнула под прилавком пустой коробочкой. Без её звуковой путаницы Варвара Рябинина, пожалуй, прошла бы мимо нашей компании.

— Что именно?

— Там камень зелёный. И серебряная ветка. Алёна, я заметила.

Фёдор не двинулся. Алёна посмотрела на меня, потом на Варвару.

— Эта вещь сейчас не продаётся, — сказала она. — И я ещё не знаю, чья она.

— Я знаю, — ответила Варвара. — По крайней мере, знаю, у кого такая была.

Я попросил её объяснить. Варвара назвалась Рябининой, сказала, что сама торгует украшениями в другом секторе рынка. Говорила быстро и уверенно, пока Фёдор не показал брошь целиком. Тут она замолчала, подошла на шаг и перестала смотреть на наши лица.

— Три листа, — тихо сказала она. — Средний выше, левый надломлен у самого основания. Камень зелёный, но когда поднести к свету, внутри есть золотистая точка. Можно?

Алёна не отдала ей вещь. Подняла брошь двумя пальцами и повернула к лампе. В глубине камня действительно мелькнула крошечная золотистая искра. Я такого раньше не замечал.

— Где видели? — спросил я.

— У бабушки. На семейных праздниках она доставала эту брошь из деревянной коробочки, прикалывала к тёмному платью и потом полчаса ругалась, что застёжка цепляет ткань. Я маленькая была. Мне нравился камень.

Варвара провела пальцем по собственной куртке, словно повторяя детское движение. Потом резко выпрямилась.

— У моей семьи эту вещь давно искали. Если вы собираетесь её продать, остановитесь.

— Продажа остановлена ещё до вашего появления, — ответила Алёна. — И мне недостаточно одного воспоминания.

— А что вам нужно, справка из детства?

— Разговор с живыми людьми, которые помнят вещь, — вмешался я. — Вы сказали «у бабушки». Кто ещё её видел? И когда она исчезла?

Варвара перевела взгляд на меня. В её глазах было больше злости, чем страха.

— А вы кто такой?

— Человек, который нашёл её рядом с серебром. В чужом прилавке. И который слишком часто видел, что бывает, когда за ценность хватаются без разговора.

— Значит, отдайте мне.

— Сейчас — нет. Она у Алёны, и я не имею права распоряжаться ею. Вы можете доказать историю, мы выслушаем. Но хватать брошь вам никто не даст.

Она открыла рот, собираясь возразить, и вдруг рассмеялась коротко, совсем без веселья.

— Хорошо. Значит, взрослые люди решили послушать. Это уже прогресс. Моя тётя ещё жива. Она помнит, когда бабушка носила брошь в последний раз. Я приведу её, если понадобится.

Фёдор опустил украшение на ткань. Варвара не попыталась схватить его, хотя руки у неё заметно дрожали. Я видел, что она удерживается усилием воли, и впервые подумал, что перед нами действительно может сидеть человек с настоящей семейной историей. Впрочем, именно такие люди порой ошибаются сильнее всего.

— А футляр? — неожиданно спросила она.

Я почувствовал, как серебряная коробочка упёрлась в грудь изнутри куртки.

— Какой?

— Тяжёлый, серебряный, с тёмным замком. На боках потёртости. Такой показывали вместе с похожими вещами, когда я была ребёнком. Кто-то из взрослых потом говорил, что весь набор пропал.

— Вы его держали в руках?

— Нет. Видела мельком. Думала, это шкатулка для серёг. Потом мне велели не лезть в чужие разговоры. Вот и всё моё знакомство.

Я достал футляр, но оставил завёрнутым в платок и в руках. Не для продажи — для проверки её слов.

— Он закрыт. И пока я не выяснил, кому принадлежит, открывать не собираюсь.

Варвара посмотрела на край серебра, видневшийся из ткани. Побледнела. Потом медленно отодвинулась от стола.

— Я видела его, — сказала она. — Уверена. Но это ещё не значит, что всё, что было рядом, принадлежит нашей семье. Брошь — другой разговор.

Такой ответ мне понравился больше уверенного требования отдать всё. Она сама отделила собственное воспоминание от возможной ошибки. Фёдор кивнул, словно тоже отметил перемену.

— У нас есть ещё один набор вещей, — продолжила Варвара после паузы. — Семейный. О нём почти никто не разговаривает. Я искала его раньше и бросила. Теперь понимаю, что зря. Могу рассказать, что помню, но сначала хочу поговорить с тётей.

— Договорились, — сказал я. — Ни брошь, ни футляр сегодня никто не покупает. Когда будете готовы, встретимся и поговорим.

Алёна спрятала брошь отдельно от обычных монет и закрыла свёрток. Платон к этому времени уже ушёл по своим делам; его покупка осталась завершённой. Варвара задержалась у выхода и негромко спросила меня, почему я вообще оказался с этими вещами. Я ответил коротко: случайный футляр, настоящий поиск, драка, часть серебра украдена. При слове «украдена» она резко подняла голову.

— Кто?

— Роман Круглов.

Она ничего не сказала, но лицо на секунду стало таким, будто это имя ей уже знакомо. Я не стал вытягивать признание силой. Варвара поблагодарила Алёну за то, что брошь не выставили на продажу, и ушла через освещённую торговую галерею.

Фёдор проводил её взглядом.

— Любишь ты, Горин, найти серебро, а потом очередь желающих объяснить, кому оно нужно.

— В этот раз хотя бы расплатились прежде, чем очередь появилась.

— За монеты. Помни разницу.

О расчётах забыть не получалось. В кошельке лежали настоящие деньги. В кармане — запертый чужой футляр. В лавке остались спорные украшения, которых никто не продавал.

Роман всё ещё держал второй мешочек серебра. И одна рыжая торговка теперь знала достаточно, чтобы начать собственные поиски.

На улице уже горели все вывески. Я задержался у входа в торговый ряд, проверяя, не забыл ли перчатки. В этот момент через площадь прошёл мужчина в дорогом тёмном пальто. Он направлялся к рынку спокойно, без спешки, рядом с ним шёл мужчина в знакомом светлом шарфе. Возле входа первый остановился, словно выбирал, с какого павильона начать.

Фёдор, появившийся за моей спиной, перестал ворчать.

— Ланской, — произнёс он тихо. — И привёл с собой человека, которому наша продажа явно не понравилась.

Я убрал кошелёк во внутренний карман и встал так, чтобы между мной и аллеей оставалась освещённая витрина. Фёдор тихо захлопнул дверь лавки. Ланской приближался, рассматривая сначала товары, затем продавцов, словно составлял список товара для собственной витрины.

Глава 8. Неудачный вечер Ланского

Ланской шёл по центру аллеи. Покупатели расступались, ещё не понимая зачем. У лотка с деревянными птицами он остановился, выпрямил кривую табличку с ценой и сунул продавцу купюру, не попросив сдачи. Только после этого обратил внимание на нас. Господин в светлом шарфе поспевал за ним, стараясь не наступать на мокрые пакеты.

Фёдор остался на ступеньке своей лавки. Я стоял чуть ниже, у стеклянной двери. Внутри Алёна собирала со стола ткань, в которую заворачивала украшения. Проданные монеты давно ушли с Платоном, моя доля лежала в кошельке. Менять эту приятную последовательность я никому не собирался позволять.

— Артём Горин? — спросил Ланской, хотя смотрел прямо мне в лицо.

— Смотря кто интересуется. Если покупатель, лавка за спиной. Если человек, который послал ко мне Бурцева, у меня для него уже есть отзыв.

Борис Ланской выглядел так, словно приехал продавать собственную невозмутимость. Седеющие волосы, дорогое пальто, спокойный голос. У Фёдора на двери висела чуть перекошенная карточка «ЗАКРЫТО». Ланской заметил её раньше, чем мою разбитую руку, и двумя пальцами выправил угол.

— Егор убеждает слишком настойчиво, — произнёс он. — Мне нужна брошь с зелёным камнем. Три листа, один надломлен. И имя человека, передавшего вам футляр.

— Брошь чужая. Футляр верну хозяину. Список покупок закончился.

Человек в светлом шарфе рядом с ним открыл рот. Ланской поднял ладонь, не глядя на него. Затем сделал неожиданное: сам шагнул в павильон через открытую дверь и положил на прилавок толстую пачку купюр.

— Я куплю все украшения из этой витрины. Сейчас. Алёне останется выбрать сумму, меня устроит любая разумная.

Фёдор, стоявший у входа, сделал шаг следом. За прилавком появилась Алёна. Она посмотрела на деньги, на руку Ланского, уверенно лежащую возле её товара, и повернула карточку «ЗАКРЫТО» лицом к нему.

— Эти вещи не продаются.

— Вы не услышали цену.

— Я услышала слово «все». До разговора со мной его в этом павильоне никто не произносит.

Ланской накрыл купюры ладонью, но убирать не спешил. Он выровнял ещё один бумажный ценник на стойке. Незаметный жест человека, привыкшего поправлять чужой мир даже тогда, когда его уже выгнали.

— Деньги можно получить немедленно, — сказал он. — Обещание быстро теряет силу.

— Чужое право собственности ещё быстрее портит продажу, — ответил я.

Борис забрал пачку. На выходе он сам открыл дверь своему спутнику. Теперь я видел, отчего Бурцев получал деньги только после исполнения приказа: наниматель даже шагу по чужой воле сделать не умел. Впрочем, роскошь держать людей на поводке обходилась дорого, и Ланской явно рассчитывал возместить расходы из наших кладов.

— Поговорили, — сказал я.

Он не отступил. Посмотрел на Фёдора:

— Надеюсь, вы не будете мешать разумным покупкам, Ершов.

— В моей лавке разумная покупка начинается с вещи на прилавке, — ответил тот. — А ваши будущие обещания на витрину не поместятся.

Фёдор ушёл внутрь и захлопнул дверь перед носом человека в шарфе. Ланской удивительно легко принял этот жест. Мне стало ясно: проигранный разговор его пока не особенно огорчил. У него было другое место, где собирались заработать.

Он направился к открытой части торгового двора. Я пошёл за ним на расстоянии нескольких шагов. Не из любопытства к его пальто. Хотел понять, кому предназначались деньги за три листа.

Во дворе играла музыка. Под навесами работали точки с напитками, продавцы авторских украшений и небольшие лавки. На площадке перед павильонами выступали двое ребят с акробатическим номером. У них получалось лучше, чем у большинства знакомых мне неживых существ: ни один не пытался закончить прыжок в чужой шее.

Возле высокой стойки с орехами Ланской остановился перед мужчиной в светлом пиджаке. Тот держал телефон в руке и явно ожидал встречи. Рядом стоял Лавр Седов — ровный, вежливый, с видом человека, который заранее решил, сколько чужого терпения сегодня можно истратить.

— Павел, — обратился Ланской к покупателю, — надеюсь, вы оцените предложение. Седов всё подготовил?

— Я подготовил встречу, — поправил Лавр. — Насчёт продажи у нас с вами согласия не было.

— Вы обещали привести владельца серебра.

— Я обещал познакомить вас с человеком, способным обсуждать редкие вещи. Владельцем конкретного серебра вы его назначили самостоятельно.

Павел нахмурился. На лацкане его пиджака блестела небольшая золотая булавка в форме птицы. На вид обычная дорогая безделушка. Я вспомнил Варварину брошь.

— Мне предлагали старую фамильную коллекцию, — сказал покупатель. — Если её нет, зачем я приехал?

— Коллекция найдётся, — произнёс Ланской. — Нужны сутки, возможно меньше. Господин Седов знает, где искать.

Лавр даже не улыбнулся.

— Я знаю, где сегодня подают приличную рыбу. Остальные мои знания не принадлежат вам.

Ланской резко повернулся к нему. У скупщика на висках выступили жилки. Остальной мир продолжал покупать орехи. Хорошее место для наблюдения за тем, как богатые люди выясняют стоимость собственных слов.

— Вы отказываетесь от договорённости?

— От продажи чужой вещи — да. Я не видел у вас прав на коллекцию. Не видел и самой коллекции. А для встречи с покупателем достаточно было моей рекомендации. На этом мои обязательства закончились.

Павел отступил на полшага. На дурака он не походил. Скорее человеком, у которого резко испортился вечер и который начал считать потраченные часы.

— Тогда меня здесь ничто не держит.

— Одну минуту, — сказал Ланской. — Я могу предложить вам другой товар.

— У него тоже нет владельца? — спросил я, прежде чем успел прикусить язык.

Лавр покосился на меня. Ланской ограничился коротким холодным взглядом.

Павел обернулся, собираясь уйти, и столкнулся лицом к лицу с Ингой Беловой. Вампирша появилась из обычного прохода, под светом гирлянд; никакой складки тьмы ей не понадобилось. На ней был длинный тёмный плащ и туфли, в которых я не рискнул бы даже спуститься по ступенькам мастерской.

— Вы меня искали, — произнесла она Павлу.

— Мне сказали, вы не торгуете с новыми людьми.

— Я не торгую с теми, кто считает чужое имущество своим. А вы пока ничем не провинились.

Она раскрыла маленький футляр с серьгой из светлого металла. Я узнал форму: похожую серьгу она отняла у торговца на прошлой встрече, заплатив ему за то, что тот уже успел вложить. На этот раз она держала вещь уверенно, как собственность. Павел склонился ближе. Инга не позволила прикоснуться.

— Прежде чем обсуждать цену, покажу вещь и расскажу, откуда она. Решите, интересно ли вам. Здесь слишком шумно.

— А как насчёт семейного набора? — настойчиво спросил Ланской.

— Если семья захочет, сама выйдет на покупателя, — ответила Инга. — Я предлагаю то, что могу передать. Всё остальное оставьте для ваших разговоров с зеркалом.

Павел посмотрел на Ланского, на Лавра, потом на Ингу. Выбор занял у него меньше времени, чем я трачу на решение, стоит ли брать кофе из автомата на заправке.

— Показывайте.

Они ушли через людный двор к ресторану. Инга шла впереди, не касаясь спутника. Никакого чарующего взгляда я не заметил. Она просто пришла с вещью, которой распоряжалась, и с понятным предложением. Ланской остался с пустыми руками. Лавр поправил воротник и собрался уходить в другую сторону.

— Вы это устроили, — тихо сказал скупщик.

— Вы сами пришли торговать тем, чего у вас нет, — ответил Лавр. — Покупатель оказался требовательным. Такое бывает.

Ланской сделал один шаг к вампиру. Я успел напрячься, но Лавр лишь повернул голову так, чтобы свет ближайшей лампы полностью лёг на его лицо. Он ничем не угрожал. Из-за этой спокойной улыбки угроза чувствовалась особенно ясно.

— Моя территория начинается с моего слова, Борис. Вы попытались пользоваться им бесплатно. Повторять не советую.

Он ушёл к своему торговому ряду. Ланской смотрел ему вслед, пока человек в светлом шарфе не заговорил о другом покупателе. Скупщик оборвал его жестом. Я понял, что сегодняшняя потеря для него оказалась крупнее обычной несостоявшейся сделки: кто-то на глазах у рынка продемонстрировал, что его распоряжения можно игнорировать.

— Горин, — окликнули меня сзади. — Ты тут воздух портишь или по делу?

Григорий Важин стоял рядом с автоматом по продаже воды. Тёмная куртка, крупные плечи, короткая стрижка. В городском свете он выглядел вполне человечески, пока не встречался взглядом с человеком, который ему не нравился.

— Гриша. Ищу способ прожить хотя бы вечер без знакомства с новым грубияном.

— Судя по окружению, решил идти от противного.

Мы пожали руки. Плечо после вчерашней драки ещё отзывалось неприятным толчком, и я едва заметно поморщился. Важин заметил, конечно. Но вместо расспросов посмотрел поверх моей головы на павильоны.

— Ты давно здесь?

— Достаточно. Ланской сегодня проиграл сделку двум вампирам. Я присутствовал как человек, которому не досталось даже орехов.

— Я за ним не приезжал.

— Тогда здесь случайная встреча?

— Нет. Один должник решил, что ночной рынок удобнее моего офиса. Продал заказчику рекламные конструкции, получил предоплату, исполнителей не оплатил и теперь играет в успешного предпринимателя. В моё агентство пришёл один из тех, кому он должен. Я пришёл разговаривать с ним лично.

Важин показал подбородком на мужчину у павильона с дизайнерскими лампами. Тот заметил нас и тут же отвернулся к покупательнице, изображая чрезвычайную занятость.

— Он тебе должен? — спросил я.

— Моему клиенту. Разница существенная. Я не покупал его долг за собственные деньги.

— А Ланской тут при чём?

— Пока ни при чём. Он любит подбирать чужие проблемы, если из них вырастает прибыль. Но я сегодня занят своим делом.

Мужчина у ламп поставил коробку на стойку и поспешил в сторону парковки. Важин не побежал. Только двинулся наперерез — уверенно, по обычной дорожке между столиками. Через несколько секунд они встретились у стеклянного ограждения.

Я остался у кофейной стойки. Слышал отдельные слова: «предоплата», «люди работали», «не прячься». Важин говорил негромко. Его собеседник сначала пытался шутить, затем перестал, а под конец вытащил телефон. Ничего грозного не произошло. Важин назначил встречу на следующий день и отпустил его. У того было лицо человека, наконец вспомнившего, где у него лежит совесть, и обнаружившего там пустую полку.

Когда Григорий вернулся, Ланской уже направлялся к нам. Человек в шарфе держался рядом с ним; теперь шарф выглядел не роскошью, а полосой белого флага, которую забыли правильно поднять.

— Важин, — поприветствовал скупщик. — Не ожидал увидеть вас в торговом квартале.

— Я хожу туда, где работают мои клиенты и их должники.

— Возможно, вы могли бы помочь мне с одной неприятностью. Есть человек, который присвоил чужое серебро.

Я посмотрел на скупщика, и мне захотелось проверить, умеют ли дорогие пальто переносить внезапную лужу кофе. Удержался.

— Если речь обо мне, — сказал я, — сначала покажите, чьё серебро и кто его присвоил.

Ланской проигнорировал меня.

— Вам известно, что с ним иногда трудно договориться. У меня есть средства, чтобы вознаградить хорошую работу.

Важин глядел на него без малейшего интереса.

— У меня есть агентство. С клиентами я работаю по конкретным обязательствам. Ваш спор о броши не касается ни моего клиента, ни моей сегодняшней поездки.

— Вы слишком рано отказываетесь.

— А вы слишком поздно спрашиваете, можно ли купить чужое время.

Ланской чуть прищурился. На секунду я решил, что сейчас увижу драку людей, которым даже не нужно представляться. Вместо этого Важин повернулся ко мне.

— Горин, своё дело решай сам. Если кто-нибудь начнёт бегать по моему офису с ножом, тогда позвонишь. Во всех прочих случаях у меня сотрудники, аренда и завтрашние клиенты.

— Ты мне почти как родной, — сказал я.

— Родной бы ещё и денег попросил.

Он ушёл к выходу, оставив нас со скупщиком друг напротив друга. Ланской сдержанно проводил его взглядом. Я понял, что теперь он проиграл ещё одну попытку получить чужие руки для своей работы. Улыбаться не стал: неприятности редко заканчиваются после третьего отказа.

У меня за спиной раздался резкий звук. Не крик, ещё нет. Что-то тяжёлое ударило по стойке, звякнули несколько подвесных светильников. Я обернулся.

Возле павильона, где Важин разговаривал с должником, стоял Бурцев. Он удерживал за ворот хозяина соседней точки — невысокого мужчину в зелёном фартуке, торговавшего изделиями местных мастеров. Рядом валялась коробка с деревянными игрушками. Покупатели отступили, образовав пустое место. Две женщины поспешно увели детей к кафе.

— Я сказал, сегодня здесь никто не продаёт фамильные украшения без согласования, — произнёс Бурцев.

— У меня деревянные фигурки! — хрипло ответил торговец. — Вы вообще смотрели, куда зашли?

Бурцев толкнул его грудью к стойке. Деревянные птицы с грохотом посыпались вниз. До этого я мог списать дело на неприятный разговор. Теперь мужчина ударился затылком о металлическую раму, а Бурцев поднял кулак.

Ланской стоял рядом, в нескольких шагах. Он не подавал приказа остановиться. Сколько стоит человеческая голова для его бизнеса, я уже начал понимать.

— Егор! — крикнул я.

Он взглянул через плечо. Узнал меня и усмехнулся.

— Горин. Опять не можешь пройти мимо?

— Убери руки. Он тебе ничего не должен.

— Ты за каждого продавца заступаться будешь?

— Если ты каждого о прилавок прикладывать станешь, вечер выйдет долгий.

Я подошёл медленно. Бурцев отпустил ворот, зато схватил торговца за запястье и завернул руку так, что тот побледнел. Это было уже не запугивание ради разговора. Ещё немного — и сустав бы не выдержал.

Я шагнул вплотную и ударил Бурцева по предплечью краем ладони. Он разжал пальцы. Торговец отшатнулся к своему прилавку, я успел отвести его за спину. В следующую секунду Бурцев врезал мне в плечо. В то самое, которое с утра неприятно ныло. Боль проскочила до затылка, перед глазами на мгновение поплыли огни вывесок.

— Хотел поговорить? — спросил Бурцев.

— Хотел, чтобы ты не калечил человека. Разница по-прежнему существенная.

Он ударил ещё раз, теперь в лицо. Я успел наклониться, почувствовал скользнувший по щеке костяшками кулак и врезал ему локтем под рёбра. Бурцев коротко выдохнул, но не отступил. Слишком опытный и слишком крупный, чтобы одна удача закончила дело.

Мы налетели на пустой столик. Стакан с лимонадом опрокинулся, холодная жидкость плеснула мне на рукав. Бурцев попытался схватить ворот моей куртки. Я присел, рванул его за локоть и заставил развернуться к столу боком. Он удержался. В ответ колено ударило меня в бедро, нога подломилась. За нашими спинами кто-то крикнул, чтобы прекратили, но вмешиваться не спешил.

Бурцев поднял руку для нового удара. Я не стал встречать её лбом. Шагнул вперёд, ткнул его плечом в грудь и заставил отступить туда, где на полу лежали деревянные игрушки. Под подошвой у него треснула птица с красными крыльями. Бурцев потерял опору и тяжело осел на одно колено.

Он потянулся ко мне. Я отскочил на шаг, понимая, что следующая ошибка будет стоить дорого. Перстень молчал. Против обычной человеческой злости он мне ничего не обещал.

— Хватит, — негромко сказал Ланской.

Бурцев поднял голову. На губе у него появилась кровь. Мой левый рукав был мокрый и липкий, по щеке текла тёплая полоска. Разговор получился содержательным.

— Он первый полез, — сообщил Егор.

— Я видел, — ответил Ланской. — И все остальные тоже.

Скупщик оглядел двор. Покупатели теперь смотрели на него с открытым раздражением. Кто-то помогал хозяину павильона поднять игрушки. Девушка с бейджем соседнего кафе сердито требовала, чтобы от входа убрали опрокинутый столик. Живая городская торговля быстро возвращалась на прежнее место, но ущерб уже было видно.

Ланской достал деньги и положил несколько купюр на стойку торговца. Тот не притронулся к ним.

— За сломанное, — сказал Борис.

— А за руку кто платить будет? — спросил хозяин павильона, прижимая запястье к груди.

— Мы закончили, — произнёс Ланской.

Бурцев встал. Дрался он сильнее многих известных мне людей и, судя по взгляду, не считал сегодняшний бой закрытым. Но приказ выполнил. У дверей рынка его ждал человек в шарфе; тот отодвинулся, пропуская начальника, как будто боялся испачкать воротник чужой кровью.

Я хотел уйти вместе с ними, но продавец поймал меня за рукав. С трудом сдержал гримасу: пальцы пришлись на ушибленное место.

— Спасибо, — сказал он. — Я им даже украшений не показывал. Тут половина вещей из дерева. Чего им надо было?

— Они перепутали ваш павильон с чужим, — ответил я. — И решили, что кулаки помогут уточнить адрес.

Мужчина посмотрел на сломанные игрушки, потом на деньги Ланского.

— Заберите это с пола, пожалуйста. Мой сын раскрашивал птиц три вечера.

Я поднял две уцелевшие фигурки и поставил на стойку. Третья раскололась. Продавец осторожно завернул её в салфетку, будто надеялся ещё что-нибудь исправить. От этого маленького движения мне стало неприятнее, чем от удара Бурцева.

За Ланским я пошёл только когда убедился, что торговец держится на ногах. Скупщик не успел далеко уйти. На открытой парковке у рынка его машина стояла рядом с рядом обычных автомобилей; водители спорили о свободных местах, а кто-то пытался загрузить в багажник огромный короб с игрушечным домиком.

Я остановился у края пешеходной дорожки. Ланской стоял возле задней двери автомобиля, Бурцев разговаривал с ним, склонив голову. Человек в шарфе держал телефон, но быстро спрятал его, когда начальник повернулся.

— За фамильным знаком вы сегодня не вернётесь, — говорил Ланской. — Брошь не у покупателей. Монеты уже проданы. И Седов отказался вести сделку.

— Значит, остаётся второй набор, — сказал Бурцев.

Я не собирался подслушивать всю их жизнь. Но слова «второй набор» заставили меня замереть. Варвара тоже говорила о другом семейном собрании. Только здесь разговор был совсем не о ней.

— Машина бывшего коллекционера, — продолжил Ланской. — Её купили недавно. Прежний владелец любил прятать вещи в привычном месте, чтобы никто не заглядывал. Найдите автомобиль до того, как новый хозяин поймёт, что получил вместе с покупкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.